РОВЕСНИК

3
1978



РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Март, 1978 год, № 3

На первой странице обложки: этот снимок — уже история, он сделан на Берлинском Всемирном фестивале молодежи и студентов. Скоро знамя юности планеты взовьется над островом Свободы, где откроется XI фестиваль — за антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу.

Фото из журнала «НБИ» (ГДР)

НА АНКЕТУ «РОВЕСНИКА» ОТВЕЧАЮТ КЛУБЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ДРУЖБЫ

Что для вас солидарность? Что для вас интернационализм?

ХАНОЙ. В провинции Донгнай, недалеко от города Хошимина, открылась вторая в стране специальная детская военная школа для сыновей воинов, павших в борьбе за свободу. 300 школьников, помимо обычных предметов общеобразовательной школы, будут изучать и основы военного дела, чтобы потом поступить в офицерские училища.

БОНН. С момента принятия закона «о запрете на профессии» в 1972 году свыше 4 тысяч граждан ФРГ были уволены или им было отказано в приеме на работу, 1,3 миллиона были подвергнуты унизительной проверке «на лояльность». В «черные списки» внесены не только коммунисты, но даже некоторые социал-демократы, активисты движения в защиту мира и члены других прогрессивных организаций. Представители профсоюзных центров Франции, Голландии и других западноевропейских стран от имени своих организаций выразили солидарность с борьбой трудящихся ФРГ против «охоты на ведьм». «Исторический опыт показывает, что дискриминация прогрессивно настроенных лиц в ФРГ несет опасность демократии и свободе во всей Западной Европе», — говорится в документе, подписанном представителями общественности 14 стран.

На снимке: «Наша солидарность сильнее, чем «черные списки»!» — лозунг на знамени, которое несут демонстранты в Дюссельдорфе.

ИСЛАМАБАД. Прогрессивная общественность Пакистана придает огромное значение помощи Советского Союза в подготовке квалифицированных специалистов для развивающейся промышленности республики. Так, например, большая часть рабочих, инженеров и техников для первого в Пакистане сталелитейного комбината учится в СССР. Комбинат возводится с экономической и технической помощью СССР на месте небольшой деревушки Пипри в 30 километрах от Карачи. Планируется, что уже через два года он даст первую продукцию.

БЕРЛИН. Пять месяцев продолжался фестиваль дружбы пионеров Советского Союза и ГДР, организованный обществом «ГДР — СССР» и журналом «НБИ» совместно с Минским Дворцом пионеров. Ребята многих городов ГДР собирали материалы о жизни своей страны, для того чтобы послать их в подарок пионерам Минска. Их ровесники из столицы Белоруссии не остались в долгу. В своих письмах они рассказывали о жизни республики в юбилейном году. В школах ГДР во время фестиваля все отряды соревновались в пионерских делах, и представители лучших из них получили возможность съездить в СССР в гости к друзьям из Минского Дворца пионеров.

На снимке: пионеры 8-го «Б» класса средней школы имени Отто Гротеволя из города Готы — победители соревнования.





ГАВАНА. В фонд XI Всемирного фестиваля поступают средства, заработанные молодежью в разных уголках планеты. На 13 заводах района Видзев (ПНР) молодые рабочие — члены ССПМ приняли решение внести в фонд фестиваля 100 тысяч злотых. С этой целью они подписали соглашение с предприятиями, ведущими застройку нового жилого микрорайона. На сегодняшний день на стройке заработано уже 50 тысяч злотых. Эти деньги перечислены в фестивальный фонд.

Студенты 21 страны из Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, обучающиеся в Лейпцигском университете, участвуют в интернациональном ансамбле «Солидарность». 6 тысяч марок, полученных ими за концерты, перечислены в фонд международной солидарности. Сейчас ансамбль готовит новую программу, посвященную XI фестивалю.

Несколько сот тысяч форинтов передали в фонд Гаванского фестиваля участники летних строительных лагерей 1977 года Венгрии. Миллионы форинтов, заработанные ударным трудом, внесли в этот фонд молодые рабочие Чепельского металлургического и машиностроительного комбината и других крупнейших предприятий республики.

ФРИТАУН. Министр просвещения Сьерра-Леоне Абдул Карим Корома в интервью корреспонденту ТАСС подчеркнул, что республика высоко ценит помощь Советского Союза в подготовке квалифицированных национальных кадров. Несмотря на то, что на нужды образования выделяется одна пятая бюджета, страна испытывает значительные трудности со специалистами в экономике и культуре. Поэтому, как отметил А. К. Корома, такое огромное значение придается учебе сьерра-леонской молодежи в советских вузах. Сейчас в вузах, техникумах, профессионально-технических училищах Советского Союза учатся 500 юношей и девушек из Сьерра-Леоне. Три четверти всех врачей республики — выпускники советских вузов.

ВАШИНГТОН. Во всем мире ширится кампания протеста против намерения правительства США приступить к производству нейтронного оружия и его размещению в Западной Европе. Гнев честных людей на всех континентах вызывает циничное заявление Пентагона, что нейтронная бомба — самое «чистое и дешевое» оружие. Генералы и бизнесмены подсчитали, что на каждый затраченный на ее производство миллион долларов можно убить больше людей, чем любым другим средством уничтожения. Как пишет английская газета «Морнинг стар», «экономный убийца просто необходим НАТО. Ведь в прошлом году его расходы превысили 165 миллиардов долларов». Каждый день в Белый дом поступают письма от профсоюзных, студенческих и других общественных организаций с требованием остановить производство нейтронной бомбы, которое означает новый этап гонки вооружений, представляет собой угрозу миру и безопасности.

На снимке: демонстранты у Белого дома несут плакаты «Президент Картер! Нет — нейтронной бомбе!».

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

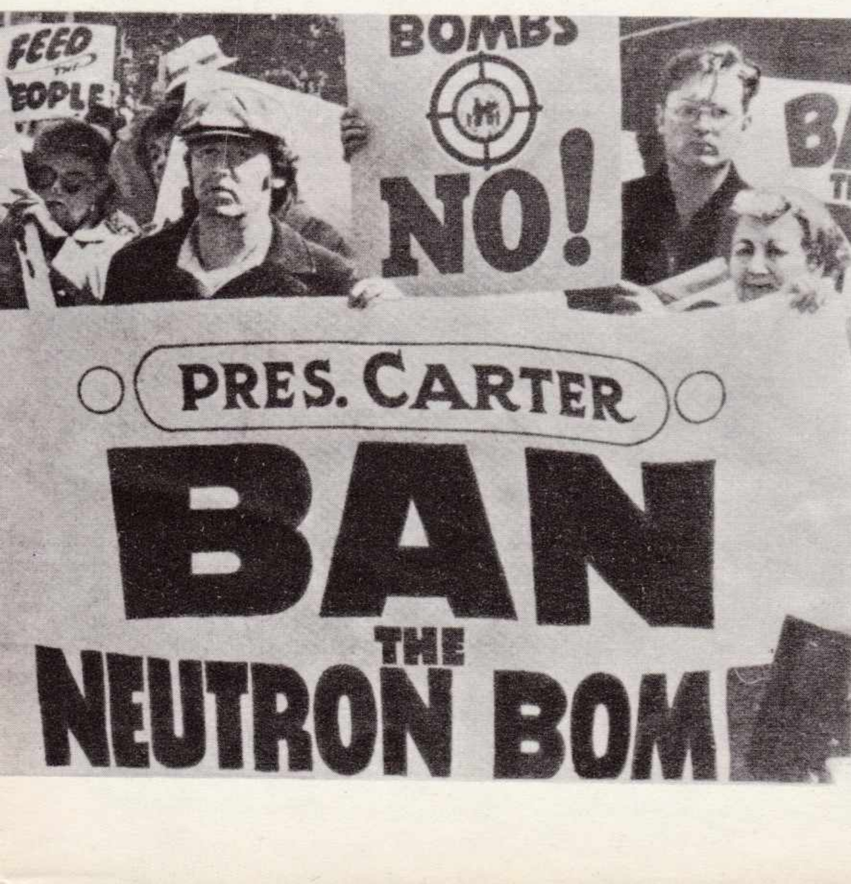
ПРАГА. В кинотеатре на главной, Вацлавской, площади столицы ЧССР прошла неделя молодежных любительских фильмов об охране природы. Несколько лет назад по инициативе членов Социалистического союза молодежи из города Угерске-Градиште был организован ежегодный конкурс фильмов, созданных молодыми непрофессиональными режиссерами и операторами, под девизом «Это тебя тоже касается». Картины в защиту природы, завоевавшие призовые места на этом конкурсе, участвовали в международном фестивале, организованном интернациональным союзом кино непрофессионалов (УНИКА), и тоже стали победителями.

ПАНАМА. Зимние каникулы студенты республики провели на новостройках страны и в крестьянских кооперативах. Они приняли активное участие в озеленении и благоустройстве городов, строительстве государственного жилого фонда для трудящихся, работали на государственном сахарном заводе «Виктория» в провинции Верагуас, обучали грамоте сельских жителей.

СТОКГОЛЬМ. На национальной учредительной конференции восстановлен Коммунистический союз молодежи Швеции (КСМШ), который будет резервом и помощником Рабочей партии — коммунисты, массовой организацией рабочей и учащейся молодежи страны. В настоящее время ячейки союза есть в 61 городе, 75 процентов его состава — рабочие, 25 процентов — учащиеся. В принятых конференцией документах подчеркивается, что КСМШ действует в духе идейного наследия Великого Октября, в соответствии с лучшими традициями коммунистического и рабочего движения.

САНТЬЯГО. Чилийская хунта объявила о «новой экономической политике». Это значит, как пишет газета «Нью-Йорк таймс», что «Чили превратилась в барахолку, где торгуют подержанными товарами иностранного происхождения». Вдвое сократился объем производства национальных текстильных предприятий, почти в 4 раза — автосборочных, закрылись многие крупные металлообрабатывающие заводы. Уровень безработицы превышает 13 процентов. Еще один результат «новой экономической политики» — беспризорные дети. По данным секретного документа хунты, ставшего достоянием гласности, в стране почти полмиллиона бездомных детей.

На снимке: обычная картина для чилийских городов — дети ждут у дверей благотворительной столовки: скоро вынесут суп.









смотрите!

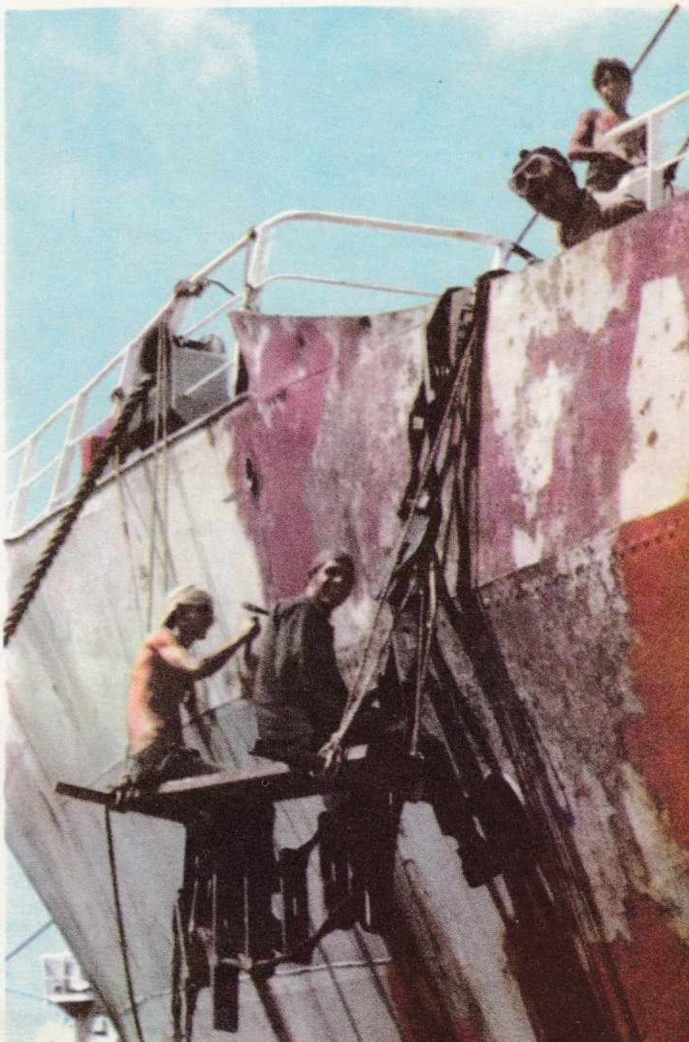




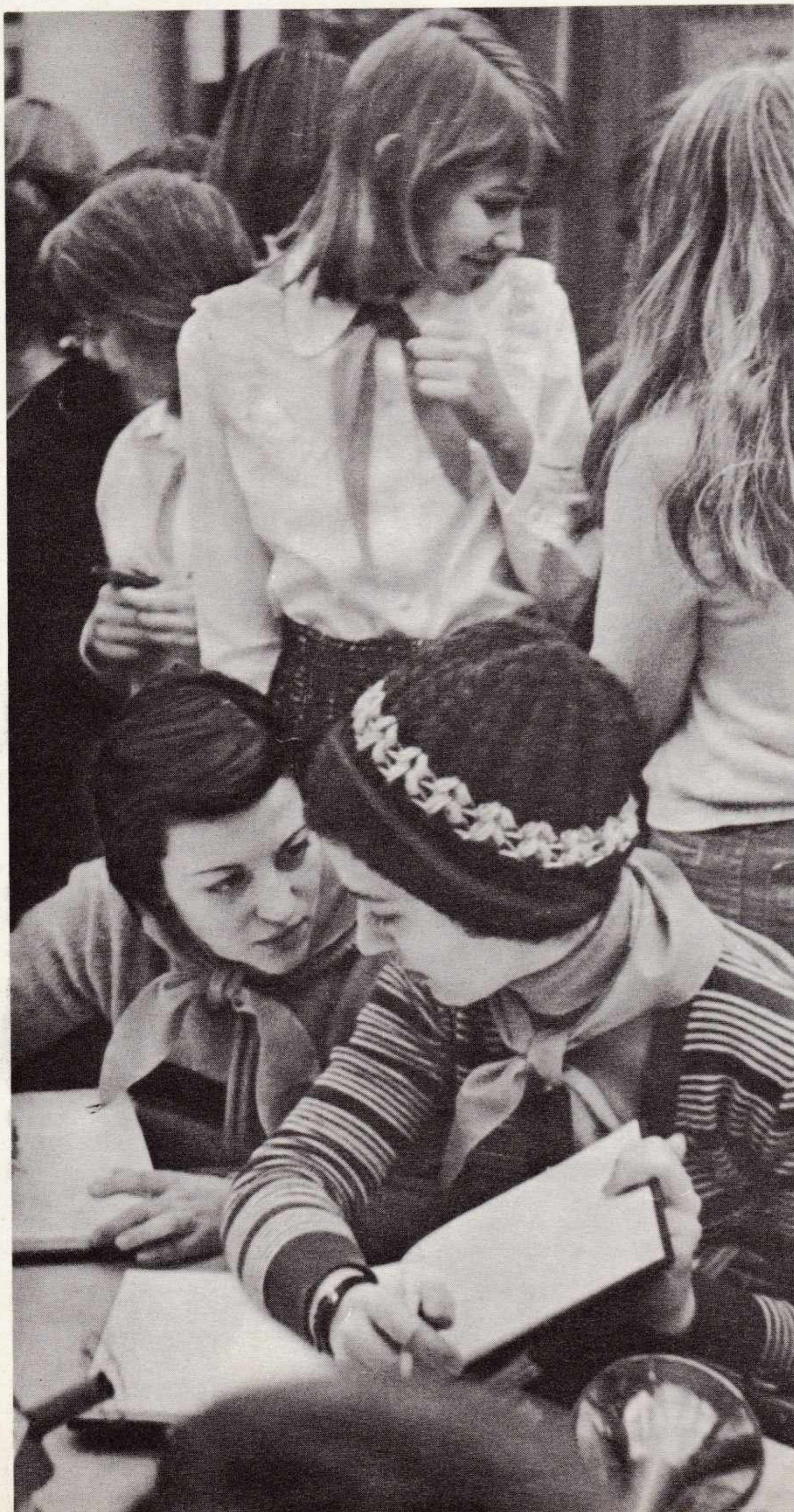
Наверное, когда этим летом в газеты и журналы мира полетят репортажи из Гаваны с XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, не один журналист напишет о нем как о «празднике девятнадцатилетних в девятнадцатилетней республике». Случайное совпадение, но не случайно зато юность планеты избрала социалистическую Кубу местом своего очередного фестиваля. В этом есть заслуга и ее молодого поколения, умеющего трудиться, любящего учиться и знающего толк в веселье. Мы с удовольствием посвящаем фоторазворот этого номера «Ровесника» поколению ровесников, сыновей и дочерей кубинской революции. Поколению, на чьей памяти Куба всегда была островом Свободы, страной социализма.

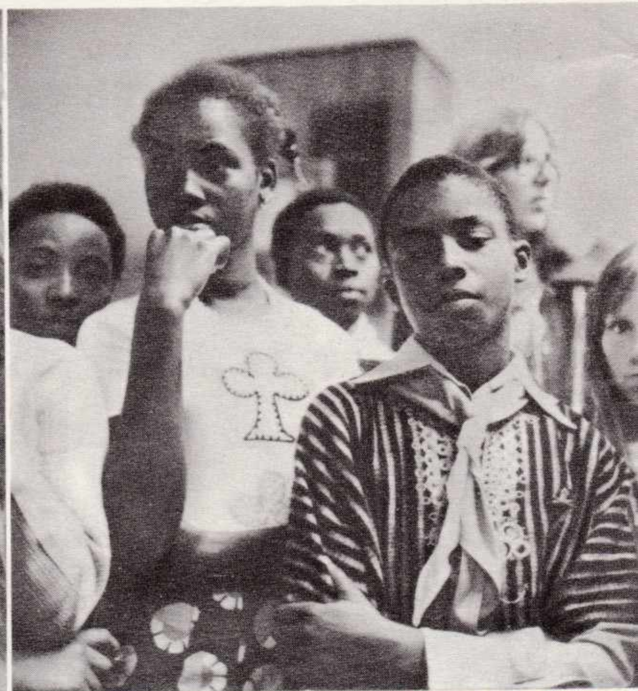
Фото С. Петрухина и Л. Шерстенникова





ВСТРЕЧНЫЙ ВОПРОС: ЧТО ДЛЯ ВАС СОЛИДАРНОСТЬ? ЧТО ДЛЯ ВАС ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ?







В редакционной почте значительное место занимают письма из КИДов. Нас спрашивают об адресах для переписки, нам рассказывают о своей работе, нам задают конкретные вопросы.

Клубам интернациональной дружбы, как правило, немного лет, да и само это движение настолько молодо, что «Ровесник» с его пятнадцатилетней историей успел в свое время принять участие в его зарождении. Но популярность КИДов — а их по стране тысячи и тысячи, в школах, на заводах, в университетах, сельских клубах и Дворцах пионеров и молодежи — зиждется, на наш взгляд, на давних комсомольских традициях убежденного интернационализма, душевной солидарности с теми, кто страдает от эксплуатации, борется, отстаивает справедливость. И еще на том, что для очень многих наших молодых людей такая солидарность, такое сочувствие и соучастие в жизни других людей, как бы далеко они ни были, дело личное.

Мы отобрали из почты четыре письма из четырех адресов. В них были разные вопросы и рассказы. Наши корреспонденты, выехав по адресам, задали кидовцам встречный вопрос.

НАЧАЛО

В письме из уральского города Асбеста была такая просьба: помогите связаться с библиотеками — нашими и зарубежными, в которых работал Владимир Ильич Ленин.

— Почему вас заинтересовала именно эта тема?

ГАЛЯ ПОСОХИНА, председатель клуба, студентка II курса Асбестовского музыкального училища:

— Наверное, наша просьба показалась вам необычной? Но нам кажется, тут все просто и естественно, как естествен вообще интерес к жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина. Мы знаем, что Владимир Ильич бывал во многих городах Европы и везде был читателем местных библиотек. Мы знаем также, что он был не просто читателем, он работал в библиотеках, работал с книгами. Ведь это естественно, что нам, студентам, интересно и поучительно знать, как он это делал.

— Вы писали, что ваш клуб молодой?

— По сути, мы делаем лишь первые шаги, сами не знаем, что получится.

— Ну а что натолкнуло на мысль организовать КИД? С чего он начался лично для вас?

— Это было несколько лет назад. Тогда я еще училась в обычной школе. Однажды моя подруга купила игрушку — большого лохматого пса.

«Красивая игрушка, — сказала я, — только зачем она тебе?»

«Я дружу с одним мальчиком из Чехословакии, у него скоро день рождения. Это для него, в подарок».

Мне тоже давно хотелось, чтобы у меня был друг за границей. Одно дело — читать или смотреть фильм, телевизионную программу о какой-то стране. И совсем другое узнавать о ней из письма, присланного тебе другом. Тут, хотя и через письмо, но ты сам как бы прикасаешься к тому, что тебя интересует. Мне и сейчас трудно это объяснить, а тогда я и подавно не смогла бы, но было ощущение, что я сама исследую, открываю для себя что-то новое, чего никто другой для меня не сделает. Хотя по почте дружба не всегда получается. Лучше, как говорится, один раз увидеть...

— Легко ли это в Асбесте?

— Конечно, Асбест не Москва, но вот этим летом к нам в лагерь приезжали чехословацкие ребята, а, например, моя подруга Ирина была вместе с семьей на Кубе. Ее отец там работал. Она до сих пор помнит, каким теплом их там окружили.

Ирина много рассказывала о Кубе. И меня постепенно захватил интерес к этой стране. Не просто из-за экзотики. Не потому, что Куба от нас за тысячи километров. Потому что там живут друзья. Кстати, брат Иры, хоть и прошло с тех пор много лет, до сих пор переписывается с товарищами на Кубе.

Вот так мы и пришли к нашей идее организовать Клуб интернациональной дружбы.

«Рабочие» будни кидовцев: встречи со старыми и новыми друзьями, совместная работа, обмен информацией. На левом и верхнем снимках — гости из Португалии и Африки в Московском Дворце пионеров, ниже — интернациональный отряд артековцев на уборке фруктов.

Вначале, правда, многие хотели, чтобы работа клуба была связана только с музыкой — знакомиться с новыми записями, исполнителями. Но зачем создавать КИД, если заниматься только этим? Если собрать всех, кто хотел бы установить контакты с другими странами, кто интересуется жизнью других народов, вряд ли они согласятся собираться только для того, чтобы прокрутить одну-две кассеты и разойтись. Мы долго спорили, за что же нам взяться, пока наша преподавательница английского языка не предложила нам тему, о которой вы уже знаете.

У клуба, конечно же, больше возможностей устанавливать контакты, чем у одного человека. И если все, что мы задумали, получится, разве не узнаем мы много нового и о людях этих стран, об их отношении к нам, к нашей жизни, к нашей истории?

Для начала хотим получить фотографии тех мест, где работал Ленин. Может быть, из них сложится выставка, посвященная Ленину, или альбом. Но уже сам этот «ленинский поиск» поможет кидовцам расширить знания о жизни и деятельности Владимира Ильича. Это само по себе важно. И потом, если нам все-таки удастся установить контакты с работниками библиотек, то, может быть, потом — и с их читателями? У клуба гораздо больше шансов стать интересным собеседником, чем у каждого из нас в отдельности.

ПАМЯТЬ

Члены КИДа имени Курта Рёмлинга из подмосковного Одинцовского района обратились в редакцию с просьбой о зарубежных адресах для переписки.

— Собственно, зачем вам, ребята, эти адреса? Вы ведете переписку из любопытства к дальним странам?

САША ЛИБИН, секретарь КИДа, десятиклассник:

— Конечно, получать письма из мест, где ты никогда не бывал, всегда интересно, потому что вообще интересно познавать мир, новое. Но нами движет не только любопытство. Все люди думают сейчас о том, как сделать мир прочнее. Но мы не хотим лишь думать, мы хотим действовать, а это, как мы понимаем, на нашем уровне — организаций, школ, клубов — означает поиск общих интересов, поиск того, что сплачивает людей из разных стран. И тут не обойтись без общения. Вот, по-моему, в чем смысл интерклубовских контактов и стремления ребят расширить переписку, даже если они не всегда прямо так и говорят.

— Ваш клуб носит имя немецкого антифашиста Курта Рёмлинга. Расскажите, что вам удалось узнать о нем?

АНДРЕЙ БУЛАЕВ, председатель КИДа, десятиклассник:

— Курт Рёмлинг воевал и геройски погиб неподалеку от нашего городка. Вот, собственно, почему наш КИД носит его имя.

Курт Рёмлинг родился в 1921 году. Его детство прошло в рабочих кварталах Брауншвейга, где все любили и уважали отца Курта: он руководил Союзом борьбы рабочих в Нижней Саксонии. Одним из первых он был схвачен фашистами, пришедшими к власти в 1933 году. Его зверски пытали и однажды в туманную ночь расстреляли в Ризенберге вместе с десятью другими товарищами. Семье тем временем удалось перебраться в Советский Союз.

Из кипы бумаг Андрей и Саша берут одну — с выдержкой из письма сестры Курта, Зузе Дёргес, коммунистки, перенесшей заточение в фашистских тюрьмах и пытки. Сейчас она живет в ГДР. Вот как она описывала кидовцам последние часы перед уходом брата на фронт, в Красную Армию, куда он вступил добровольцем:

«Мама торопилась связать ему еще одну пару варежек. Зима сорок первого была очень холодной... Они сидели в тот вечер последний раз вместе, вспоминали детские проделки Курта, смеялись. Потом молча дошли до трамвайной остановки. Дальше маме было нельзя, он один должен был знать дорогу. От него пришло несколько открыток. Последнюю мы держали в руках, когда его уже не было в живых...»

В одной из открыток Курт писал:

«4 июля 1941 года исполнилось восемь лет с тех пор, как фашистские преступники убили нашего отца. Теперь за дело, за которое боролся он, буду бороться я: за свободу Советского Союза, за свободу нашей Германии, за свободу всего человечества.

Через неделю я буду там, где я нужнее всего. Не печалься, мама, что не приду домой еще раз проститься. Я иду на опасное задание, но я не боюсь... Я сделаю все, что в моих силах, я не опозорю отца и нашу семью.

До скорого свидания».

А 6 ноября 1941 года, незадолго до наступления Красной Армии, с Куртом и его друзьями по партизанскому отряду (там же, кстати, находилась и Зоя Космодемьянская) случилось вот что.

Выполнив задание в тылу противника — уничтожив телефонный кабель и заминировав шоссе, на котором было замечено усиленное передвижение войск, — группа разведчиков возвращалась к линии фронта. В Богаиховском лесу их выследили эсэсовцы, и на поляне у избушки лесника, куда разведчики зашли обогреться, завязался неравный бой — пятеро против ста. Курт услышал и доложил командиру, что их хотят взять живыми. Командир дал приказ: прорываться.

Первым погиб русский парень Саша Курлянский. А через несколько минут упал немец, комсомолец Курт Рёмлинг. Он заслонил от фашистской пули своего командира...

САША: Много лет спустя Клавдия Александровна Милорадова, служившая вместе с Куртом Рёмлингом и живущая сейчас в Москве, получила письмо из Берлина от Зузе Дёргес, в котором та просила разыскать могилу брата. Клавдия Александровна, бывавшая в нашей школе, рассказала о Курте, воевавшем в наших краях, и о просьбе его сестры. Конечно, мы не могли не откликнуться на эту просьбу. Пошли в деревню Кривошеино, где, по предположению Клавдии Александровны, жил человек, знавший точное место последнего боя Курта. Так мы нашли Петра Архиповича Осипова. Тогда, в сорок первом, ему было четырнадцать лет. После боя он первым из наших пришел на место гибели Курта Рёмлинга и Саши Курлянского. Он их и похоронил.

АНДРЕЙ: Мы стали ухаживать за могилой, где похоронены два человека, воевавшие против фашизма, — немец и русский. Почти наши ровесники, чуть постарше.

Тогда же, в 1974 году, и родилась идея — создать КИД и назвать его именем Курта Рёмлинга. Ведь то, что он делал, и было, думаю, настоящим интернационализмом.

10 декабря 1976 года, когда отмечалась 35-я годовщина битвы под Москвой, у нас в гостях побывали и Зузе Дёргес, и боевые друзья Курта Рёмлинга — К. А. Милорадова, Г. Я. Сорока и А. И. Винницкий. Никогда не забыть того дня.

САША: Собирая материалы о жизни и подвиге Курта Рёмлинга, мы познакомились с замечательными людьми. На их примере и надо учиться интернационализму, разве не так? Ведь в это понятие входят лучшие человеческие качества: и самая крепкая дружба, и отвага, и бескорыстие, и самопожертвование ради друга. И преданность идее, убеждениям.

СЛОВО И ДЕЛО

„Нужны материалы по истории фестивального движения молодежи и студентов", — написали нам пионеры из города Шевченко, центра Мангышлакской области, члены городского КИДа «Меридиан» и КИДа школы № 8 «Глобус».

— Интересно, как конкретно вы собираетесь использовать эти материалы?

ГАЛЯ ИВЛЕВА, член КИДа «Глобус», семиклассница:

— Интерес ребят к истории всемирных фестивалей вызван, понятно, приближающейся встречей в Гаване. Захотелось узнать подробнее, о чем говорилось на прошлых таких форумах, в каких условиях они проходили, какие лозунги выдвигала молодежь раньше и чего ей удалось добиться. Мы думаем завести специальный альбом на эту тему, чтобы каждый желающий мог его почитать. Кроме того, мы думаем использовать материалы о фестивалях в нашей операции «Каспийское море — море дружбы».

— Что это за операция?

ВЛАДА РАССАДНИКОВА, председатель КИДа «Меридиан», семиклассница:

— Это, можно сказать, наше собственное фестивальное движение, только не всемирное, а прикаспийское, но в определенном смысле тоже интернациональное. В нем участвуют кидовцы из четырех союзных республик: РСФСР, Казахстана, Туркмении и Азербайджана. А если брать национальности участников, то можно сбиться со счета. Только в нашей области и в самом Шевченко живут русские, казахи, украинцы, татары, туркмены, башкиры, грузины, белорусы, молдаване, азербайджанцы...

— Вероятно, не все читатели «Ровесника» знают, почему ваш край такой многонациональный. Напомните хотя бы вкратце его историю.

СЕРГЕЙ ШКРЕБА, член КИДа «Глобус», семиклассник:

— В 1965 году полуостров Мангышлак был объявлен Всесоюзной комсомольской ударной стройкой. Сюда приехали по комсомольским путевкам тысячи людей из самых разных мест. Нефтяники, строители, шахтеры, учителя, инженеры, ученые... Наш полуостров так богат, что, говорят, по нему всю таблицу Менделеева можно изучить. Его даже называют «полуостровом сокровищ». Нефть, газ, химия, строительная промышленность, рыбный промысел — это все теперь есть на нашем Мангышлаке. Наш город вы сами видели. Красивый, правда? Его строила вся страна.

ГАЛЯ: Нам хотелось, чтобы кидовцы из других республик побольше узнали о Мангышлаке и сами рассказали нам об истории своих городов, о героях — комсомольцах и пионерах, выдающихся людях, о традициях и национальных обычаях. Для этого мы и задумали нашу операцию «Каспийское море — море дружбы». Ее суть в том, что КИДы городов Прикаспия установили тесные связи, стали обмениваться собранной ими информацией о своем крае, книгами. Старт операции состоялся 6 ноября 1976 года, а в дни празднования 60-летия Великого Октября у нас прошел слет юных интернационалистов, посвященный подведению итогов первого этапа нашей операции. Кидовцы из Баку, Махачкалы, Астрахани, Гурьева и Красноводска познакомились с нашими конкретными делами. Например, с тем, как мы зарабатываем деньги, которые переводим в фонд мира: даем концерты, работаем в садовом питомнике.

— А нет у вас ощущения, что живете «на краю света»? Помните, как писал Тарас Григорьевич Шевченко, когда отбывал в этих местах ссылку: «Пустыня совершенно без всякой растительности, песок да камни... Смотришь, да такая тоска тебя возьмет, просто хоть давись, так и удавиться нечем...»

СЕРГЕЙ: Да, в его время здесь было тоскливо... А мне даже странно как-то представить себе подобное чувство. Я уж не говорю о телевидении, радио, газетах... Да хоть тот же наш клуб, ведь с его помощью мы знаем, как живут наши ровесники во всех местах, городах и даже поселках, названных в честь Шевченко; их, представьте, больше сорока! Или где-нибудь в Унтервелленборне, ГДР. С этим городом мы тоже переписываемся. На карте, может, так и есть: мы где-то далеко-далеко. А в жизни мир с нами рядом. В Шевченко даже малыши знают про первый в мире ядерный реактор на быстрых нейтронах, который обеспечивает наш город вкусной питьевой водой. И вдруг те же нейтроны — для бомбы... Недавно наш КИД провел по этому поводу митинг протеста. Мы проводим митинги солидарности с народами Анголы, Чили, Южной Африки.

ВЛАДА: Я хочу привести один пример, может, очень частный, но зато хорошо показывающий, как искренне советские ребята стремятся к солидарности. У нас в Шевченко есть Дом пионеров, но строится еще Дворец на берегу моря, большой, с бассейном. И вот мы получаем письмо с Волги, из Ульяновска. Ребята тоже захотели включиться в нашу прикаспийскую операцию (ведь «Волга впадает в Каспийское море»!), а также провести субботники и заработанные деньги прислать нам на строительство Дворца пионеров. Так же, как отсылали на строительство Дворца пионеров в Ханое, помните? Это, я думаю, и есть настоящая солидарность, человеческая отзывчивость, желание помочь другу.

СОЛИДАРНОСТЬ

Интерклуб Новосибирского государственного университета не обращался в «Ровесник» за помощью. Наоборот, он прислал в редакцию многочисленные материалы, рассказывающие о его работе.

— Судя по тому, что вы нам рассказали, интерклуб НГУ работает с размахом. Могли бы вы выделить главное его достижение?

ВИКТОР ЛАСКИН, член правления Клуба интернациональной дружбы, старший инженер вычислительного центра НГУ:

— Взгляните на эту листовку: «Товарищ! Твоя солидарность, мощь твоей Родины помогли победе Вьетнама и Анголы. Твоя солидарность нужна сейчас товарищам по борьбе в Чили, Уругвае, Парагвае, ЮАР... Маевка — это твоя борьба. Все на маевку! Сбор 30 апреля в 20.00 у главного корпуса НГУ». Эти маевки — настоящие праздники солидарности с трудящимися всего мира — начались у нас двенадцать лет назад с небольшого митинга, а теперь на них сходятся тысячи людей — не только студенты и преподаватели, но и школьники, домохозяйки, люди старшего поколения, все жители академгородка. Фактически интерклуб разросся за пределы университета.

— Итак, массовость...

— Нет, массовость для нас не самоцель. Но было бы жаль, если бы люди относились к тому, чем занимается наш клуб, как к «мероприятиям». Мне легче будет объяснить самое главное в его работе с помощью известного высказывания английского поэта Джона Донна, которое Хемингуэй взял эпиграфом к роману «По ком звонит колокол»: «Нет человека, который был бы, как Остров, сам по себе: каждый человек есть часть Материка, часть Суши... смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе». Эти слова великолепно передают чувство причастности человека ко всему, что происходит в мире. Наша цель в том, чтобы — если хотите — культивировать это благородное чувство в людях.

— И вам это удается?

— Я просто приведу факты. Люди приходят к нам сами, предлагают свою помощь, просят дать задание. На митинги и концерты солидарности тоже специально зазывать не приходится — достаточно вовремя оповестить.

— Солидарность — не только сочувствие, но и соучастие, помощь. Не так ли?

— Верно, мы тоже так считаем. На прошлой маевке мы вручили португальским комсомольцам кино- и фотоаппаратуру. Она им очень нужна для пропагандистской работы. Чилийцам подарили транзисторные радиоприемники высокой чувствительности, палестинцам — несколько комплектов хирургических инструментов. Все эти дорогостоящие вещи приобретены на деньги, заработанные студентами на субботниках. Каждый теперь знает, что он лично помог делу, за которое борются его зарубежные сверстники.

— Новосибирск — середина Сибири. Как говорится, до границы три дня скакать, не доскачешь. Или это не так?

— Судите сами. Гостями наших недель солидарности были испанский поэт Хулио Матео, глава представительства Организации освобождения Палестины в СССР Мухаммед Ибрагим аш-Шаер, дочь Луиса Корвалана — Вивиана, корреспондент газеты «Дейли уорлд» Дж. Моррис и многие другие зарубежные друзья. Еще один большой праздник — конкурс-фестиваль политической песни. В нем теперь участвуют молодые исполнители из разных союзных республик и даже из-за рубежа.

Родился университетский КИД в 1965 году. Сначала при интерклубе были созданы секции по социалистическим странам. Их задача — поддерживать старые контакты, устанавливать новые, наладить обмен студенческими строительными отрядами. Специальная комиссия разрабатывает массовые акции солидарности, маевки, митинги. Позже появились секции, занимающиеся контактами с другими странами мира. В этих секциях ребята изучают язык, историю, культуру зарубежных стран, обсуждают политические проблемы, переписываются со сверстниками, приглашают на беседы иностранных гостей, посещающих академгородок. Жизнь не стоит на месте, и мы стараемся, а точнее, не можем позволить себе отставать.

Интервью готовили И. КЛОЧКОВА, И. ПОРУДОМИНСКАЯ, Б. СЕНЬКИН

Рауль лежал, распятый, прикрученный по рукам и ногам к холодной железной кровати, раздетый догола. На голове его был мешок, и он не видел своих мучителей, только слышал, как они отпускают по его адресу грязные шуточки. Это в их стиле — унизить, запугать человека. Рауль яростно рванулся. Его отчаянный рывок вызвал новый поток издевательств.

— Смотри, какой нервный. Сейчас придет генерал — умоешься кровью.

Рауль затих: знал, что скоро начнется самое страшное и лучше поберечь силы.

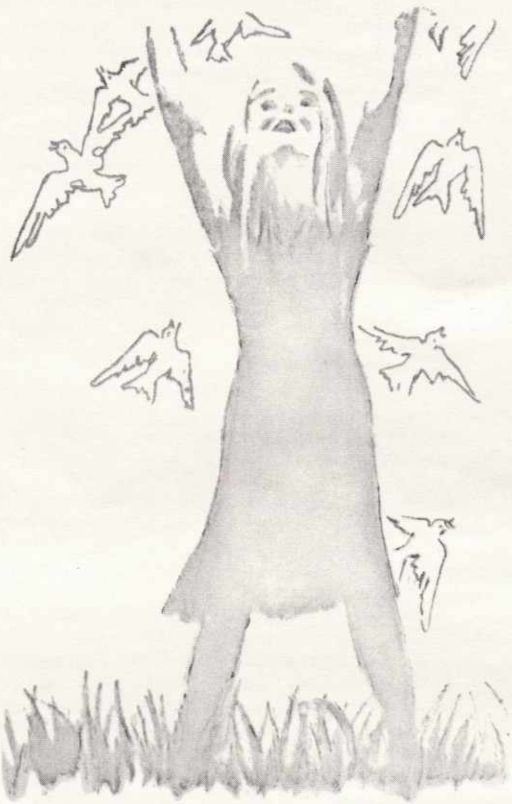
Его схватили час назад прямо на улице. Втолкнули в машину, надели на голову мешок и повезли. Потом его ввели в помещение. По разговорам он догадался, что это полицейский участок. Вдруг кто-то взял его за руку, снял часы, обручальное кольцо, посочувствовал без всякой иронии:

— Они тебе, парень, больше не понадобятся. Только мешать будут при пытках. Сейчас тебя отправят на кровать, а потом ликвидируют. Отсюда уходят только на тот свет.

Рауль проглотил ком в горле, произнес:

— У меня в кармане деньги. Возьми их себе.

Все имена героев этого документального рассказа, который автор услышал около года назад, по понятным для читателя причинам изменены. — Примеч. авт.



Неизвестный вытащил деньги, поблагодарил.

— Кому о тебе сообщить? — спросил он.

Рауль назвал телефон жены, и человек ушел.

Потом у него взяли отпечатки пальцев, предупредили, что сейчас снимут мешок, но, если он откроет глаза, ему их тотчас выколют. Сквозь закрытые веки он почувствовал вспышку света — его сфотографировали и снова надели мешок...

Вошел кто-то еще. Рауль понял, что это важная птица. «Прошу вас, мой генерал...» Скрипнул стул. Воцарилось тягостное молчание. Генерал, по-видимому, разглядывал пленника, привязанного к кровати. Наконец раздался низкий, хриплый голос. Раулю он показался знакомым.

— Вы знаете, почему вы здесь, сеньор профессор?

— Догадываюсь, — ответил Рауль, лихорадочно вспоминая, кто бы это мог быть. Ну конечно же! Шеф городской полиции. Вот он, таинственный главарь местной банды убийц, именующей себя «Антикоммунистическим альянсом Аргентины» и

Этот не очень умелый рисунок помещен на обложке бюллетеня «Аргентинской лиги защиты прав человека». В нем список исчезнувших из жизни людей; в нем перечень мест, где истязают, пытают, убивают...

«ВЫ НЕ УБЬЕТЕ ИДЕИ!»

А. КОЗЛОВ



оставляющей на теле своих жертв записки с тремя зловещими А. Значит, коммунисты правильно подозревали, что бандой руководит кто-то из полицейских чинов. Оказывается, сам сеньор капитан, или «генерал», как его здесь величают. Вот почему бандиты действуют так нагло. Теперь понятно, почему ни один из них не пойман и не осужден. Рауль пожалел только, что унесет эту тайну в могилу.

— Надеюсь, вы отдаете себе отчет в своем положении и не станете усугублять его излишним упрямством, — пробасил капитан. — Предупреждаю: у нас есть средства заставить вас заговорить. Но для вас же лучше, если вы сделаете это сами. О признании никто из ваших товарищей не узнает. Это я вам гарантирую.

— А моя совесть? — спросил Рауль.

Капитан помолчал, склонился над Раулем:

— А ваше благоразумие? Я все же надеюсь, мы договоримся. А не договоримся — не беда. Выбор у вас, прямо скажем, не богат. По своей воле или не по своей, вы все равно скажете то, что мне нужно. Пораскиньте над этим умом, пока я отлучусь.

...Рауль вызвал из памяти выжженную солнцем пампу, растрескавшуюся землю, деда. Он всегда вспоминал деда, когда было особенно трудно. Особенно он помнил один день. Дед стоял у порога ранчо, в белой рубахе, завязанной узлом на животе, и, не отводя глаз, смотрел на дона Фелиппе, толстого, наглого управляющего имением американца Уорда. Время было тяжелое. Засуха погубила урожай. Крестьянам грозил голод, и латифундист задумал скупить у них землю по дешевке. Некоторым он обещал у себя работу. За этим и прикатил к деду управляющий. Но дед отказал наотрез:

— Землю не продам и прислуживать ни у кого не буду.

— Смотри, пожалеешь, — сказал управляющий. Он, кряхтя, сел в коляску, зло стеганул лошадь, и колеса взметнули облачко рыжей пыли.

Маленький Рауль, молча наблюдавший эту сцену, понял тогда одно — что его дед смелый. Он не боится ни толстого управляющего с длинным кнутом, ни помещика. Не боится никого.

Вечером Рауль увязался за дедом на станцию, в трактир. Он любил смотреть, как крестьяне толкуют за рюмкой грапы. В этот раз все волновались, говорили громко, зло. Рауль понимал не все. Но ему было ясно главное: им очень тяжело, и они злятся, так как не знают, что делать. Большинство уже смирилось с тем, что землю продать придется — все равно помещик их всех съест. И тогда свое слово сказал дед.

— Мир велик, — так сказал он, и все сразу смолкли и повернулись к нему. — Но уходить нам нельзя. Это наша земля. С какой стати уступать ее янки? Мы должны сохранить ее для себя, для наших детей и внуков. Выход один — создать кооператив. Вместе мы и орошение осилим, а тогда нам сам черт не брат.

Все опять загалдели. Вроде бы и дело говорил дед, но вряд ли что выйдет: денег-то ни у кого нет. К общему решению так и не пришли.

Дед встал.

— Я сам никогда не был холуем и не желаю, чтобы мои внуки выросли холуями. Тем более у янки! — Он положил на стол монету за выпитое вино, взял внука за руку и спустился с террасы.

Они сели в коляску и поехали. Солнце уже село, но было еще светло. Лошадь охотно бежала домой. Дед сидел, глубоко задумавшись. Поглядывая на его худое смуглое лицо, мальчик думал о том, что его деда все уважают, и гордился им.

Соседи продали свои участки и разбрелись кто куда. Мистер Уорд взял к себе на работу лишь нескольких человек.

Осталась только их семья. Она боролась с помещиком в одиночку, молча, упорно, до изнурения. Дед и отец Рауля вырыли колодец, поставили ветряк, и он начал качать воду. Конечно, это был успех. Но временный. Помещик, скупив все земли в округе, развел овец и коров. Клочок крестьянской земли оказался среди пастбищ Уорда. В одно прекрасное утро дед и отец нашли свое поле вытоптанным. Не раз и не два помещичьи стада прогоняли напрямик, через крестьянские посевы. Пробовал дед найти управу на своего могучего врага, да куда там. Бедная крестьянская семья держалась до последнего, но все-таки ей пришлось продать участок. Дед перебрался куда-то далеко на юг, отец уехал в город на заработки. Рауля определили в интернат для бедных и сирот...

— Вы от меня ничего не добьетесь, — твердо произнес он, когда «генерал» вернулся.

— Это кончится для вас скверно, очень скверно.

— Ничего, вытерплю, — как можно спокойнее ответил Рауль. — Я ведь из крестьян. И мой дед, и отец, и я сам воевали с помещиком, да еще каким, американцем Уордом.

— Вот как? А ведь я знал мистера Уорда. Образцовый хозяин. Лучшие фермы. Лучший скот. Вот что значит англосакс! — «Генерал» даже пальцами прищелкнул.

Рауль неплохо знал этого «образцового хозяина», выжившего крестьян с земли. С теми, кого мистер Уорд оставил у себя, он обращался, как со скотом. Даже школы в его поселке не было. Он считал, что учение аргентинскому крестьянину ни к чему. Раулю повезло. Еще до того, как его пристроили в интернат, он обучился грамоте и арифметике у старухи соседки. Позже, когда подрос, Рауль пошел работать в док. Старшие рабочие сказали ему: «Или учись, или проваливай из дока». Рауль одолел вечернюю школу, поступил в университет и продолжал работать.

Вот когда пригодилась унаследованная от деда двужильность. Рауль спал по четыре-пять часов в сутки. К концу университетского курса у него был, как пошутил один рабочий, «бараний вес»: 48 килограммов, и это при росте в 170 сантиметров. Его оставили ассистентом на кафедре экономики при университете. А еще через несколько лет он уже был самым молодым на всю Аргентину профессором, специалистом в области планирования. Дело новое и в Аргентине неизвестное, хотя она уже располагала государственным сектором, начало которому положил выкуп президентом Пероном английских железных дорог после второй мировой войны. Молодой профессор стал марксистом, членом Союза молодых коммунистов Аргентины, и занялся разработкой новой экономической системы, которая позволила бы его родине развиваться самостоятельно, выстоять в неразной конкурентной схватке с американскими монополиями.

Рауль много ездил, читал лекции государственным служащим и коллегам-профессорам в разных городах, писал научные статьи. Ему удалось собрать вокруг себя энергичных молодых специалистов, окончивших лучшие учебные заведения Парижа, Москвы, Чикаго, Берлина, и основать первую национальную экономическую школу. Их называли «молодая кровь Аргентины». С энтузиазмом взялись они за разработку методов управления государственной экономикой страны.

Хотя Рауль проводил много времени за письменным столом в тихом домике, утопающем в зелени сада, он не был кабинетным ученым. Когда захлестнувшая Аргентину волна террора «трех А» против прогрессивных сил докатилась и до его приморского города, Рауль принял горячее участие в организации отпора убийцам.

В газетах и на митингах он и его товарищи, коммунисты и комсомольцы, разоблачали преступления «трех А» и связи этой организации не только с влиятельными правыми силами внутри страны, но и с американским разведывательным ведомством ЦРУ. Каждый из них прекрасно понимал, что мстительный и вездесущий «антикоммунистический альянс» не прощает таких выступлений, что, став мишенью «трех А», человек навлекает на себя смертельную опасность. Однако сдержать натиск внутренней и внешней реакции можно было, только объединиз силы всех прогрессивных организаций. А для этого следовало рисковать. Рауль взял на себя переговоры с профсоюзами докеров и строителей и со студенческими организациями о совместных действиях. Он достиг уже немалого, и вот — его схватили на улице средь бела дня.

...Он лежал, распятый, на холодной железной кровати. Ждал пыток и смерти. Больше всего он боялся потерять контроль над собой.

— Я хочу знать, — монотонно продолжал капитан, — расстановку сил в вашем союзе, характеристики руководителей, планы и намерения организации, ее отношения с другими партиями, с кем из военных поддерживается связь.

— Наши намерения, думаю, вам известны, — ответил Рауль. — Мы выступаем за демократию, в защиту рабочих и крестьян, за прекращение террора, за социально-экономические преобразования в пользу трудящихся. На остальные вопросы отвечать отказываюсь.

— Посмотрим, — прохрипел капитан. — Включайте!

Заработал мотор. Рауля облили холодной водой, накрыли мокрым полотенцем и приложили контакт. Адской силы удар сотряс его с головы до ног. Палачи исправно знали свое ремесло. Рауля то бросало, как от удара ногой, то трясло мелкой дрожью. Казалось, каждая клетка разрывается на куски. Рауль кричал. Ему бросили подушку на лицо. Он стал задыхаться, потерял сознание.

Придя в себя, Рауль услышал душераздирающие крики: в соседней комнате пытали еще кого-то. Позднее он узнал, что это был его товарищ Карлос, руководитель городского отделения профсоюза докеров. Потом палачи вернулись и снова принялись за Рауля. Удары тока стали сильнее, и теперь контакты прикладывали не только к телу, но и к лицу. Так и текла их беседа с капитаном: удар тока — вскрик — пауза — обмен фразами — удар тока — вскрик...

— Кружится, все кружится, — простонал Рауль.

— Ничего, остановим. И очень скоро,— ухмыльнулся капитан.

— Меня вы убьете. Но не убьете идеи.

— Идея умирает вместе с человеком,— отрезал капитан.

Да, это их логика, думал Рауль. Во всем виноват сам человек. Думаешь не так —

пеняй на себя. Если ты нищий — виноват сам. Безработный — значит, не хочешь работать. Беден — значит, ленив. Очень просто. Чтобы покончить с нищетой, которая позорила «чудесный город» Рио-де-Жанейро, бразильский губернатор Карлос Ласерда велел тайно уничтожить всех нищих и бродяг. Для этого была учреждена террористическая организация «Эскадрон смерти», набиравшаяся в основном из полицейских. Эскадроны убийц сейчас орудуют чуть не по всей Латинской Америке, однако нищеты от этого не стало меньше.

— Убийства не решали и не решат ни одной из проблем, — произнес Рауль, отдышавшись от очередного удара. — Они не остановят развитие сознания. Это не удалось сделать ни инквизиции с помощью костров, ни фашистам с помощью войны. Прогресс не остановить даже с помощью гор трупов.

— Зачем же горы трупов? — иронизировал пропитой бас. — Достаточно убрать кое-кого из лидеров-марксистов. Они распространяют чуждые нам доктрины и ведут народ не туда, куда следует. Уберем их, и люди пойдут за нами. Что сейчас нам нужно? Деньги. А где их взять? В Америке. Мы распахнем двери перед американскими капиталами. Это будет бум, настоящий бум! И все будут довольны, в том числе и ваши трудящиеся, которых вы пытаетесь сбить с толку.

Рауль усмехнулся про себя: холуй, и рассуждает как холуй... Вот таких лизоблюдов при янки презирал его дед и приучил своего внука с малолетства презирать их. Впрочем, что удивляться? Капитан ездил в США и прошел там курс в межамериканской полицейской школе. Это всем известно. «Три А» появились в городке вскоре после его возвращения оттуда. «И он еще толкует об Аргентине, о народе, мразь!»

— Что вам народ, — сдерживаясь, произнес Рауль. — Кто за народ, тот не прячется от него. Вы же боитесь народа. Поэтому убиваете из-за угла. Одного безоружного — впятером. Вы боитесь даже меня, связанного. Боитесь, что я перед смертью увижу ваши лица, глаза. Нет, вы не аргентинцы! Вы убиваете и предаете за доллары.

Он задыхался от гнева, но овладел собой и продолжал, чеканя каждое слово:

— Вы хотите, чтобы я предал своих товарищей. Никогда! Я сказал все. Теперь делайте со мной что хотите!

Если бы не черный мешок на голове, распятый узник увидел бы, как побагровел капитан. Но увидел он лишь красные круги — это капитан пустил в ход свои кулачищи...

Рауль очнулся от укола. Его держали за руку и искали пульс. Сделали внутривенное вливание. Чей-то голос бубнил: «Брось тянуть волынку. Выложи все начистоту. Чего зря мучиться, все одно — конец». Рауль молчал.

Пытка возобновилась. Он кричал так, что горела гортань. Язык распух и не помещался в пересохшем рту. В истерзанном, зыбком сознании звенела одна мысль, одно желание — умереть не предателем, спасение — в смерти.

Рауль очнулся, когда кто-то смочил ему спекшиеся губы.

— А ты молодец, — услышал он незнакомый голос. — Я тебя знаю. Ты вел процесс против американской компании, так? Я и сам против того, что тут творится. Но как мне быть? У меня шестеро детей.

— Очень болят руки. Развяжите, — попросил Рауль.

— Нельзя, — ответил полицейский, но перевязал по-новому, и Раулю стало немного легче.

В комнату ворвался грохот каблуков. Рауля развязали, поставили на ноги и одели. Потом опять связали руки, вывели на улицу и бросили в кузов грузовика. Рядом кто-то пошевелился. Оказалось, Карлос! Тут же устроился и многодетный полицейский. Рауль спросил его:

— Нас везут, чтобы убить?

Тот шепнул в ответ:

— Счастливчик, ты спасся. Кто-то сообщил о тебе, и сегодня газеты напечатали твою фотографию. Генерал в бешенстве. Говорит, его предали.

Послышались шаги, хлопнули дверцы, и машина тронулась с места. Их доставили в военную казарму в маленьком городке, затерянном в бескрайней аргентинской пампе. Это сумрачное кирпичное здание было недавно превращено в пересыльную тюрьму. Его ворота выходили на безлюдную улочку. А позади здания, за глухой стеной, тянулась до самого горизонта голая, без единого кустика, ровная, как тюремный двор, пампа.

Офицеры, которые вместе с врачами осматривали Рауля и заполняли по всей форме протокол о приеме нового заключенного, указав в документе телесные повреждения, последними словами ругали его истязателей: «Они творят черт знает что, а нам расхлебывать». В Рауле вспыхнула было надежда на скорое освобождение, всего лишь надежда, но он сам ее в себе подавил: он знал, что ему уготована иная доля. Хотя благодаря огласке «три А» были вынуждены выпустить его из своих лап, он, как и тысячи других, попадал теперь в категорию политзаключенных, а их держат без предъявления обвинения, без следствия и суда, и держат сколько угодно.

Почти все заключенные были похищены бандами «трех А». Они сидели без суда и следствия и не знали, что их ждет. Их, таких, по всей стране тысячи и тысячи... Время от времени заключенных перевозят из тюрьмы в тюрьму, и родственники напрасно обивают пороги полицейских, военных и иных официальных учреждений, пытаясь выяснить, где они находятся.

Нет узника, который бы не мечтал о побеге. Рауль, еще слабый от пыток, не был исключением. Что бы он ни делал: ходил, сидел, глядя в небо, ел, штопал одежду, разговаривал, он все время думал о побеге. Раны постепенно затягивались, силы возвращались — молодость брала свое.

В тюрьме он встретил старых товарищей. Комсомольцы создали подпольный комитет для помощи заключенным. В него вошли, кроме Рауля, докер Карлос, студенческий лидер Николас, руководитель профсоюза строителей Мигель Родригес.

Рауль предложил составить списки тайно похищенных и передать их на волю. Каждый, рассказывая о себе, вспоминал знакомых, которых он встречал во время скитаний по тюрьмам. Их имена вносили в список. Имена с краткой историей ареста и пыток писали на папиросной бумаге. Потом листочки зашили в одежду пятерым товарищам, а один экземпляр спрятали в тайнике камеры, о котором знали только члены комсомольского комитета. Оставалось ждать случая, чтобы переправить список на волю.

...В то утро Рауль, проходя мимо камеры-одиночки, окликнул посаженного туда накануне Мигеля Родригеса. Этот крепкий, прежде веселый парень, 24-летний строитель из Баии-Бланки, отец двух детей, сидел в тюрьме уже больше года без суда и следствия. Когда бандиты из «трех А» пришли за ним, его жена успела скрыться. Мигель терзался, не зная, что сталось с женой и детьми. Наконец у него сдали нервы, он стал требовать, чтобы его отвели к коменданту или следователю и во всем разобрались. Тогда охранники избили его и бросили в одиночку.

Не получив ответа, Рауль еще раз окликнул Мигеля. Он посмотрел в глазок и отпрянул — Мигель, свесив руки, неподвижно сгорбился под окном. От его шеи к оконной решетке тянулась скрученная веревкой простыня.

Рауль бросился по коридору с криком:

— Врача, скорей врача!

Он побежал в караулку, распахнул дверь и увидел коменданта и солдат.

— Там, в камере... Спасите! Вдруг он еще жив... — пробормотал он и бессильно опустился на пол, закрыл глаза. Все, кто был в караулке, забыв про Рауля, бросились за комендантом туда, откуда уже нарастали негодующие крики заключенных и грохот алюминиевых плошек. Рауль встал и пошел было вслед за ними, но остановился — вот же, в двух шагах выход на улицу! Он распахнул дверь и крикнул часовому:

— Чего стоишь? Там комендант, все там! Живей на помощь!

Невероятно, но факт: часовой кинулся внутрь здания. Должно быть, растерялся от неожиданности и гама, доносившегося из камер. А Рауль зашагал по улице прочь. Он еще сдерживал себя, чтобы не бежать. Что бы ни случилось, живым он больше не дастся. Лучше умереть, чем опять попасть им в руки. Мертвых не пытают...

Он свернул к реке, единственному месту среди голой равнины, где можно было укрыться. Спрыгнув с обрыва на песок, торопливо разулся, сунул ботинки за пазуху и вошел в воду.

Он быстро устал. Намокшая одежда тянула вниз. Руки и ноги точно налились свинцом. Теперь он боялся утонуть в мутной воде, теперь, когда вырвался на свободу. Тут оно и подвернулось, спасительное бревно. Обхватив его рукой, Рауль поплыл дальше.

Он плыл долго, пока не отыскался заболоченный берег, от которого далеко в реку тянулись заросли густой высокой травы. Рауль забрался в самую чащу, сделал укрытие из травы, связав над головой стебли.

О беглеце вспомнили только на вечерней поверке. Началась погоня. Зазвонили телефоны, загрохотали телетайпы, заскрипели фотобильды, рассылая его портреты и описание примет. Патрули на дорогах обшаривали автобусы и автомобили. Вертолеты прочесывали квадрат за квадратом в радиусе нескольких десятков километров. По воде сновали полицейские моторки.

Поиски продолжались и весь следующий день. Рауль просидел в траве еще ночь и день. И опять он добрым словом поминал своего старого неграмотного деда, который не словом, не поучениями, а собственным примером внушил внуку, что в человеке отыскиваются неведомые ему самому силы, если он крепко верит в свое дело и в самого себя.

Только на третий день, в сумерках, когда на реку лег густой туман, он осторожно выбрался на сушу. Его била дрожь, зубы стучали. Он отошел подальше от берега — звуки по реке разносятся очень далеко, — выжал одежду и, шатаясь, пошел на восток, к морю.

У него светлые волосы, бородка, очки, неяркая рубашка, джинсы. Весьма распространенный вид современного интеллигента. Мы сидим в его небольшой комнате, уютно-тесной от обилия книг и цветов. Легко переходим на «ты».

Томас Яйтнер. Что мне о нем известно? 29 лет. Учитель истории. Председатель районной организации Германской коммунистической партии Кёльн-Клеттенберга. Отец — бывший офицер гитлеровского вермахта, ныне отставной генерал бундесвера, живет в Мюнхене, ревностный католик, почитатель Франца-Йозефа Штрауса, лидера реакционной партии Христианско-социальный союз (ХСС). Мать — бывшая учительница музыки и тоже примерная католичка. А вот сын этих родителей стал коммунистом.

— Может, ты сызмальства был «трудным» ребенком и перечил родителям?

— Напротив, — смеется Томас. — В нашей семье царили полное согласие и послушание. Детей было пятеро.



Младший — Штефан, за ним я, потом — две сестры и старший брат. Так что, помимо отца и матери, передо мной маячило еще три авторитета. На свет я появился в 1948 году в Дюссельдорфе, где отец открыл собственную книжную торговлю. В то время многие бывшие военные — а отец был кадровым офицером вермахта с 1937 года — осваивали гражданские профессии.

«Пунктиком» моего отца было прилежание. Он и в других ценил прежде всего усердие на службе. Мы обязаны были приносить из школы только хорошие отметки, не пропускать воскресные службы в церкви. Карьера через прилежание — вот программа, которую он терпеливо и упорно закладывал в нас, своих детей. Пример подавал он сам. В 1956 году, оставив коммерцию, он вернулся на военную службу. В бундесвере ему опять дали офицерский чин, и он начал быстрое и четкое продвижение вверх, вверх... Пока наконец не дослужился до генерала.

— Сейчас, — продолжает Томас, — отец на пенсии. Ухаживает за садом, выписывает газету ХСС «Байернкурир» и

НЕПОСЛУШНЫЕ ДЕТИ ГЕНЕРАЛА ЯЙТНЕРА

Евгений БОВКУН,
корреспондент АПН в Кёльне —
специально для «Ровесника»



неукоснительно посещает митинги с участием Штрауса.

— Как же случилось, что ты, такой послушный ребенок, вышел из-под отцовского влияния?

— Это в двух словах не объяснишь... Долго все шло по раз навсегда заведенному порядку: отец делал карьеру, мы подрастали такими, какими он нас хотел видеть, — прилежными, берущими пример с него. Хорошо помню церемонные офицерские балы, куда иногда брали и нас. Отец произносил длинные патриотические речи о воинском долге. Офицеры манерно целовали руки дамам. Заметная перемена произошла с матерью: в ней появилось незнакомое мне прежде высокомерие, она требовала почитания от подчиненных отца. По-иному стал относиться к другим и я. Например, радовался, что плохие ученики оставались на второй год. Считал, что преподаватель попусту тратит время на неуспевающих в ущерб более способным. Таким, само собой, как я. С такими вот взглядами — элитарными, как у нас говорят, я и вышел из гимназии.

— А братья и сестры?

— Старший брат по примеру отца стремился добиться прочного положения в обществе и, по его понятиям, кое-чего достиг. Сейчас он живет в Италии, занимается историей Ватикана и написал несколько книг. Увы, особым успехом они не пользуются. Тем не менее он обладает колоссальным самомнением и убежден в своей исключительности. Но он тоже ушел левее отца — правда, не очень, — уже много лет состоит в Социал-демократической партии.

Старшая сестра работает ассистентом в университете в Мюнстере. По убеждениям — левая католичка и очень дружна с одним священником, который собирается порвать с церковью. На этой почве и у нее назревает серьезный конфликт с отцом. Другая сестра, школьная учительница, состоит в баварской организации Молодых социалистов.

Моя же собственная метаморфоза, когда я сейчас оглядываюсь на прошлое, несколько озадачивает меня самого. Во-первых, я вырос в глубоко католической семье, насквозь был пропитан религией. Во-вторых, я был напичкан антикоммунизмом. Все, что отдавало левизной, было попросту несовместимо с профессией отца, да он и без того был самых правых убеждений. Когда в 1959 году произошла социалистическая революция на Кубе, мне было только одиннадцать лет. Конечно, я ловил каждое слово отца, который по вечерам, устроившись у камина, заводил бесконечные проповеди об одном и том же: на Кубе произошло нечто страшное, возможно, непоправимое; вся надежда — на церковь, которая пока уцелела. Мать подолгу молилась, чтобы господь избавил Кубу от коммунистов. Ну, и мы на каждой мессе просили всевышнего, дабы он уберег мир от коммунизма. (Томас задумывается. Я не перебиваю.)

Но вот что любопытно. Хотя и долго я пребывал в этом, так сказать, состоянии ума, никаких особенных усилий мне потом не понадобилось, чтобы перемениться. Драмы не было. Нет. Видишь ли, антикоммунизм, по крайней мере тот, которым меня начиняли в семье, в гимназии, а потом в университете, был довольно примитивного свойства. Он не подкреплялся ни убедительными фактами, ни аргументами. Так, набор анафем... Информация о социалистических странах была практически нулевой. Ее заменяла ложь.

— И все-таки думать по-другому ты стал именно в университете? Значит, хоть какая-то объективная информация, да просачивалась?

— С этого, пожалуй, все и началось. То, что я узнавал от знакомых о Советском Союзе (пусть это были случайные и отрывочные сведения), разжигало во мне желание докопаться до истины.

И вот, как гром среди ясного неба, студенческие волнения 1968 года. Но левацкий радикализм меня не увлек. Он как был, так и остался для меня чуждым. Тогда я вообще старался реже посещать студенческие сходки, чтобы не отвлекаться от учебы. Отцовская школа — прилежание... А летом того года я уехал в Испанию, в Мадридский университет, чтобы выучить испанский язык. Собирался потом работать в Латинской Америке.

Я пробыл в Мадриде всего год, но очень полезный для меня год. Если еще рано было говорить, что я начал переходить на позиции коммунистов, то от церкви начал отходить точно. И потом — рядом не было отца, давления его авторитета. Я читал все подряд, что считал прогрессивной литературой. Не только Маркса, Энгельса, Ленина, но и Маркузе, Фромма и других теоретиков «новой левой». Проглатывал труды по психоанализу, книги, критикующие католицизм. В Испании я наконец понял, что церковь заодно с классом угнетателей. Пастор университетского прихода в Мадриде был ярым франкистом и вообще гнусной личностью. А его лучший друг и правоверный католик — директор студенческого общежития был доносчиком охранки. Вернувшись в ФРГ, я убедился окончательно в лживости католицизма. Религия потеряла для меня всякую притягательность. Я перестал ходить в церковь.

Вскоре я по логике вещей сделал очередной шаг. Судьба свела меня со Штефаном Лендорфом, в то время социал-демократом, а позднее председателем марксистского студенческого союза «Спартак» и членом правления ГКП. После долгих бесед с ним и занятий на курсах по введению в теорию марксизма я принял решение. В 1971 году Штефан, его жена Ангелика и я вступили одновременно в марксистский союз студентов «Спартак» и в ГКП.

— Ты не мог не знать, что тебя ожидает как коммуниста...

— Разумеется. По окончании университета в 1976 году я получил место учителя в одной из гимназий Вупперталя. Но уже через несколько дней меня пригласили в некое ведомство для «доверительной беседы». Там я ознакомился с подробным описанием заключительной части собственной биографии: работа в правлении «Спартака», участие в демонстрациях ГКП, выступления на митингах, статья в газете против гонки вооружений и т. д. Преподаватель с таким багажом, по мнению моих собеседников, никак не мог рассчитывать на благожелательное отношение со стороны администрации и, уж конечно, не мог воспитывать детей «в духе верности конституции». В результате «беруфсфербот» — отстранение от работы. Затем — суд, долгая тяжба. Обычная история, каких у нас тысячи.

— Ты безработен и сейчас?

— К счастью, нет. Как ни удивительно, но мне повезло. Я выиграл процесс, и вот уже две недели преподаю свои предметы — историю и общественные науки — в гимназии Ратингена под Дюссельдорфом. Я доволен работой, сегодня все в порядке. Но могу ли я поручиться за завтрашний день?..

— Томас, вот ты учитель. Как, по-твоему, формируется мировоззрение нынешних школьников в ФРГ?

— Если сравнить школьные программы, то придешь к выводу, что за последнюю четверть века существенных изменений в мире не произошло. В учебниках по-прежнему нет ни слова правды о социалистических странах. Я, конечно, стараюсь по мере сил доносить до своих учеников эту правду, но в гимназии, где мало детей рабочих, это не всегда приносит желаемый успех.

— Каковы теперь твои отношения с родителями?

— Видимся мы редко и почти не говорим о политике. Я стараюсь не задевать убеждений отца, он — моих. В остальном у нас нормальные отношения отца и сына. Иначе сложилось с младшим братом Штефаном. Ему двадцать два года, работает учеником у книготорговца и живет там же, где родители, в Мюнхене. Недавно он разругался с отцом и ушел из дому. Он еще раньше вступил в Союз немецкой рабочей молодежи. Но если с моим обращением в иную «веру» отец как-то смирился, то Штефану он устроил скандал. Сдали нервы. Видно, на своего младшего сына он возлагал последние надежды, хотел наверстать упущенное с остальными детьми. Ведь, по сути дела, никто из нас, кроме старшего брата, да и то отчасти, не принял его жизненных принципов. Я очень надеюсь, что Штефан проявит семейную твердость характера и не изменит начатому делу. Мы с ним хорошо понимаем друг друга...

Конфликт убеждений... Возвращаясь от Томаса Яйтнера, я вспомнил данные одного из институтов, занимающихся опросами общественного мнения в ФРГ. За последние годы при анкетировании молодежи на политические темы существенно сократилось число «не высказавших никакого мнения». Все меньше остается равнодушных, все больше молодых людей делает выбор: с кем идти? Томаса Яйтнера и многих других раздумья над этим вопросом привели в ряды ГКП. Другие пытаются найти место в жизни с иными убеждениями. Есть такие, кого заразила родительская ностальгия по коричневым рубашкам и свастике. Но в какую сторону происходит сдвиг, показала общефедеральная студенческая забастовка в декабре прошлого года, проходившая под лозунгом «Солидарность против правых». Она продемонстрировала возросшую сплоченность демократических сил — студентов, учителей, прогрессивной интеллигенции. В поддержку студенческой забастовки выступили преподаватели высших школ, профсоюзы учителей, многие демократические организации. В том числе, разумеется, и районная группа ГКП в Кёльн-Клеттенберге, которой руководит Томас Яйтнер.

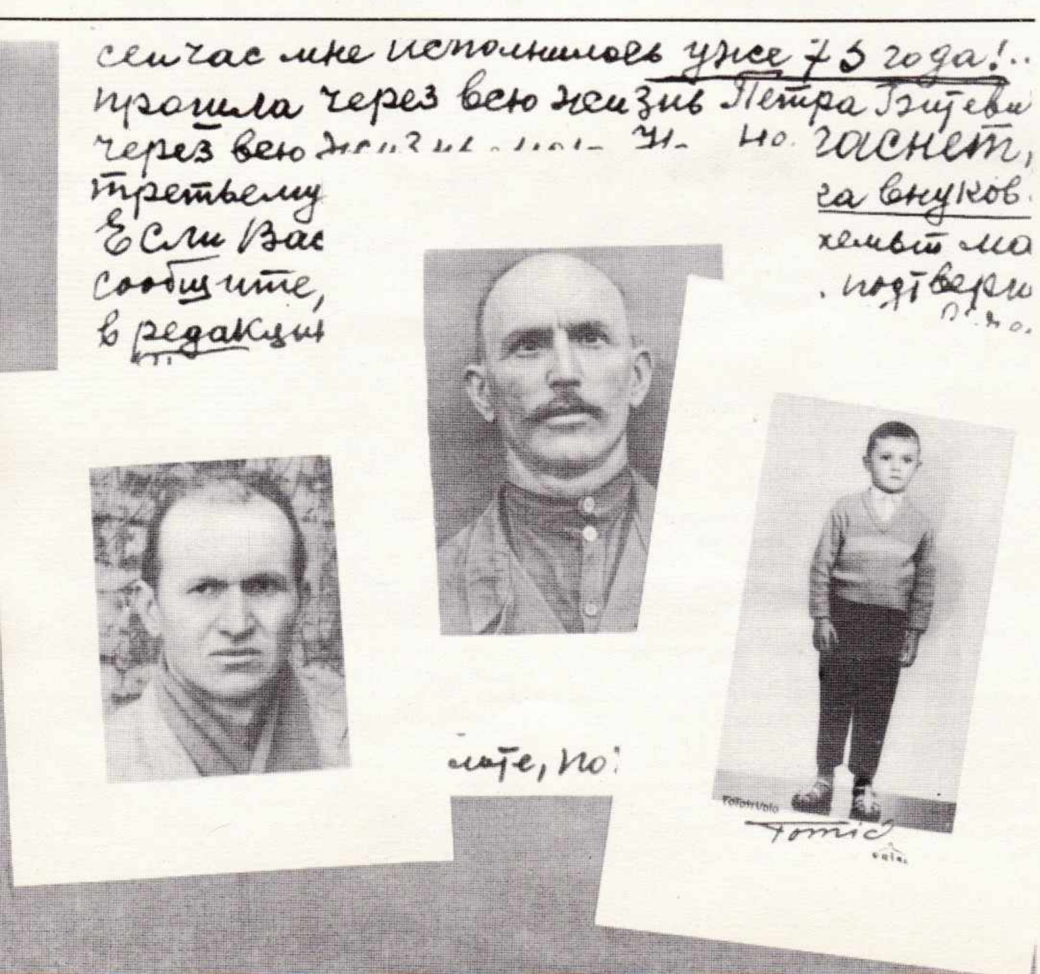
Сцена из сегодняшней жизни в ФРГ: дорогу бывшим эсэсовцам, собравшимся на свою очередную встречу в городе Нассау, преградил пикет антифашистов — членов прогрессивных организаций молодежи.

Фото из журнала «Штерн»



ЖИЛИ-БЫЛИ ЛЮДИ

Ю. ЛЕКСИН, наш спец. корр.
Фото из семейного альбома Сорокиных



Похоже, только сам человек может представить себя ребенком, и никому постороннему увидеть этого не дано.

Передо мной, выпрямив до неестественности спину, сидит семидесятипятилетний Герасим Андреевич Сорокин, и мне не представить его пятнадцатилетним. Руки его, с припухшими пальцами, обескровленные до белизны, лежат на выцветшей клеенке стола и подрагивают. На столе среди кучи фотографий — яблоко из его крошечного сада, и оно бесцветно. Старик нарочно морозит их, чтобы они становились мягче. И он вспоминает осень, которая была ровно шестьдесят лет назад.

— Последний раз тогда ужинали мы вместе, — говорит он, часто моргая. — Осенью семнадцатого... Тихо было за столом. Никто не говорил. Прощались, значит. Пошли с Петром спать в сарай, все время мы там спали. Прохладно было. Дерюжка у нас была из разноцветных лоскутков, под ней и спали... Прижался я к Петру, молчу. Жалел он меня, как родной отец, чего там говорить... Да и научил меня он всему. «По смерть не забуду тебя», — хотел я тогда сказать ему. И не сказал. Да он и так все знал сам.

Утром вся деревня его провожала... Дед Данила трубку ему подарил. «На, — говорит. — Подарить-то тебе нечего, возьми хоть трубку. Видел я, курил ты иногда... Придешь в свой Алибунар, закуришь трубку и вспомнишь климовских». В вещевой мешок кто яиц ему положил, кто лепешек. Мать последней подошла. «Если, — говорит, — обидели чем, извини уж, не со зла. Душа в душу жили». — «Что зря говорить, Анисья Андревна, — ответил Петр, — как у своих в вашем доме жил... Герасима бы прям с собой взял, да здесь он нужнее».

Я уж в телеге сидел. И поехали мы с ним, па-е-хали, — заморгал Герасим Андреевич.

I

Весенним утром 1915 года из деревни Климовское, что на высоком голом холме, катилась телега. Гнедой бежал мелкой рысцой. Накатанная, подсохшая от апрельских ветров дорога свернула у пруда в ветлы, и Герасима оглушил пьяный крик не устроившихся еще грачей. Смешался с кваканьем лягушек. Пруд кишел ими. Казалось, квакают не лягушки, а весь пруд — с тихой, застоявшейся за зиму водой, с едва зазеленевшими ивами и высохшей прошлогодней осокой по берегам, уходящей светлыми поникшими копьями далеко в воду.

Герасим не понукал гнедого. Невыспавшийся, он сидел в телеге и вспоминал отца.

Проводили они его тоже утром, только хмурым, сентябрьским.

У околицы стояли две пары лошадей, запряженных в повозки. В одной из них и уехал отец, спустившись вот так же с безлесого климовского холма. Два седых озлобленных от долгого ожидания старика Илья Котелкин и Маркел Трусов поджидали призванных у повозок с самого рассвета. Старики были за кучеров. В деревню они вернулись поздно и незаметно, и повозки были пусты.

Отец тогда вышел из дома первым. За ним, не видя под ногами земли, шла мать, следом — остальные — весь хоровод, как говорила потом всю жизнь мать: шестеро во главе с тринадцатилетним Герасимом. Все плакали, и только отец, сдерживаясь, пришептывал, уже не оборачиваясь к матери: «Что ж делать, ведь не одного меня берут-то...»

У подвод первым подошел прощаться Герасим. «Старший ты, — едва обнял его отец. — Матери слушайся... Глава ты теперь, значит».

Подводы тронулись, истошно закричала мать, и Герасим глядел в ветлы ничего не видящими глазами.

Теперь он и ехал в этих ветлах.

Весть о том, что на подмогу прислали пленных, пришла неожиданно и кстати. Стояла пора яровых, и мать убивалась, не зная, что им делать с Герасимом. И вдруг эта весть. Пленных раздавали в самые захуда-

лые дворы и в Климовском дали только Сорокиным.

Пункт военнопленных разместился в большом приходском селе Мокрые Кряжи возле волостного управления. Еще издали Герасим увидел, как много их толпилось, и стояли они тихие и удрученные и, похоже, плохо понимали, что их ждет. Каждый из приехавших ожидал своего вызова. Наконец, начальник пункта Егор Кабанов, белокурый длинный детина с серьезным выражением лица и в пенсне, выкрикнул: «Сорокин! Здесь? Вот этот человек пойдет к вам работать... Битевич его фамилия».

Из толпы военнопленных вышел мужчина чуть выше среднего роста, русоволосый и, глядя неожиданно ласковым взглядом, тихо спросил Герасима: «Издалека приехал на лошади-то?» Герасим пробасил как можно внушительней: «Три версты, считай, до нашей деревни».

Дорóгой пленный молчал и только глядел по сторонам. Лишь у самого крыльца, глядя на высыпавших ребятишек, спросил стоявшую тут же Анисью Андреевну: «Ваши все?» — «Мои», — грустно улыбнулась мать.

В избе незнакомого человека обсели. «Из какой земли-то?» — полюбопытствовала мать. «Серб я, хозяйка, славянин. Петром зовут». Говорил он по-русски легко и нескладно, и слова его получались знакомыми и незнакомыми одновременно, смешно было.

Сели обедать. Разговор сразу пошел о земле, и выходило, будто одна она и одинаково ждала рук и там, на далекой родине Петра, и здесь, под климовским холмом. Да так оно, верно, и было.

И началась их совместная жизнь.

Обойдя двор, Петр сразу принялся мастерить точило. Видно было, что без дела сидеть он не любил и не умел, да и сам он говорил, что без дела да без родины совсем с ума сойти можно. Соорудив точило, поправил лезвие рубанка, взялся за топор. Герасим глядел, как летели с точила снопом искры и гасли, играя в сарайных сумерках. И от игры этой очень ему хотелось самому что-то сделать и чтобы Петр видел его работу и хвалил, но Петр словно не замечал его. Только когда стал отесывать березовый кругляк, сказал с тихой улыбкой: «Гляди-ка, топор, вишь, поумнел после точки. Сам лезет в дерево». Щепа летела в стороны увесистыми, пахнущими лесом ломтями, и кругляк быстро становился ровным, прямым брусом дрожины. «Дроги будем делать, — сказал, присев, Петр, глядя, как свет бил в отворенную дверь сарая. — А то навоз возить, а их нет... Вот займись, — добавил, — отеши этот кусок, бугорки сними, а вообще приглядывай пока, это тоже в работе нужно». Сам же, вытесав обе дрожины, принялся их остругивать. Наточенный рубанок брал дерево легко, словно слизывал с него тонкую прозрачную на свет стружку и тут же завивал ее в кольца, кидал вверх и на землю неслышно и споро; и радостно было смотреть, и обидно, что не у тебя это получается

«Что ж ты, Петр, как на выставку готовишь, — невольно вырвалось у Герасима. — Зачем их рубанком строгать? Ведь на них навоз возить будем».

«Так рассуждать, — даже не взглянул в его сторону Петр, — умываться не каждое утро надо, все равно за день извозишься... Порядок лучше наведи».

Герасим стоял, переминался с ноги на ногу.

«Или щепа не нужна? — серьезно спросил Петр. — Собери. Которая длинная, поруби, в пучки свяжи да вон у стенки и сложи, пусть сохнет. Зимой на растопку».

Потихоньку в сарай стали заглядывать деревенские — из тех, у кого мужиков тоже забрили. На неделе завернула соседка Федосья Панкина, пожилая вдова. Погляделa и смиренно сказала: «Помоги, Петр... Телега совсем развалилась, хоть плачь. Ось надломилась». — «Ну зачем же плакать-то?» — весело отозвался Петр. — Где телега-то?» — «Вон у нашего сарая стоит». Петр впрягся в оглобли, Герасим с Федосьей помогали, напирали сзади.

Едва телега была готова, в сарай заглянула высокорослая старуха Александра Амосова: «Не оставь, касатик, покос не за горами, граблишек нет...» И пошло-поехало: косу приладить, отбить, вилы насадить, крюк для косьбы ржи сделать...

Оттаивал Петр, уже о доме стал вспоминать. Осмелел и Герасим, нет-нет, да и спросит: «А телеги, Петр, у сербов такие же?» — «Они, Герасимушка, на всей земле такие... У нас, правда, тяги идут от оси кверху, а у вас вперед. Вот и вся разница». — «А лошади у вас большие?» — «Поменьше ваших, — задумается вдруг Петр. А потом и сам спросит: — Ты, Герасим, в лапти обуваться мастер, а плести умеешь?» — «А как же, — рад Герасим, — вот будет время, и тебе сплету такие же... Петр, а в чем сербы на работу ходят?» И оказывается, нет у сербов лаптей, и это уж совсем другой разговор, потому что и представить это невозможно и слушать странно: идут сербы по своим полям в мягких фетровых шляпах, обязательно в овчинном жилете, а на ногах шерстяные носки и кожаное что-то — ни сапоги, ни ботинки, не сказать что; а на женщинах юбки пышные — и складки, в них, а платья на старых темные, а на молодых обязательно светлые и в цветах, и платки цветастые, и кофты вышиты... И там, среди них, Ольга ходит, невеста Петра, и у нее все вышито лучше, чем у других, и она ждет Петра, и Герасим уже знает это.

А в ночном, когда попадают они с Петром на пару, другие разговоры. Ночь выдается лунная. Даже лес в ночи не чернеет, а серебрится. Лошади в березняке, и их только слышно изредка — зафырчит вдруг, и шум обдаст холодком страха, и опять все смолкнет, только костер потрескивает. «Петр, — начинает Герасим, — а почему у каждого пленного на обеих штанинах буква Ф вышита?» — «Памятка это, — усмехается Петр. — Монарха нашего, Франца-Иосифа защищаем... Защищали вот». — «Петр, — не удерживается Герасим, — а что, на фронте-то страшно?» — «Вспоминать не хочется, — укладывается Петр. Но потом вдруг отзывается: — Ад, наверно, такой... Лежишь и не знаешь, то ли среди живых еще или уже среди мертвых. В ушах гул, и сам ты, как это ухо твое, только весь ты из уха и состоишь, ничего больше нет, только страх еще. И все ждешь: когда ж тебя-то наконец прибьет... Молишь иной раз: «Скорей бы уж, господи!» Не приведи господь тебе попасть когда-нибудь... Спи уж, рассветет скоро». И правда, березняк начинает появляться, точно выходит к костру. Ближе, ближе...

Похоронка пришла в мае... Написано в ней было коротко, с отталкивающей для письма торжественностью, что «Андрей Андреевич Сорокин пал смертью храбрых...». О том, за что и за кого, читали лишь много недель спустя. Да и то один Герасим и мог прочесть, у матери глаза не глядели дальше короткого и бессмысленного слова «пал». С письмом не знали, что делать и куда его положить, — куда ни клали, оно словно светилось мертвенным, жутким светом, и только оно и было в избе, куда ни положи. Анисья Андреевна плакала, и уже казалось, ничего другого она и не умела делать, кроме как плакать и трогать это письмо, перекладывая его с места на место. Петр, будто виноватый, говорил лишь о судьбе, которая «каждому своя предназначена», и еще утешал неутешительным: «Не плачь, Анисья Андревна... Пока я помогаю, а там, глядишь, Герасим подрастет... Ты, главное, не плачь».

Уже и рожь созрела и хороша была. Климовские начали косить. Отправились и Петр с Герасимом. Ушли даже с радостью, что можно, наконец, покинуть избу. Со всех сторон поля слышалось протяжное: ш-ш-ш! ш-ш-ш! ш-ш-ш! Петр шел первым. Герасим едва поспевал за ним, рожь пружинила светлой медью, руки ныли, но он тянулся. Остановившись, Петр иногда оглядывался. «Не гонись за мной, Герасимушка, — жалел, — здесь и взрослому мужику трудно. Подрастешь малость, тогда и потягаемся с тобой. Присядь лучше». — «Да я уж втянулся», — обманывал его Герасим, приваливаясь на стерню. «Вот и хорошо. Сейчас разомнешься, ночью ой как спать будешь!»

«Петр, — еле спрашивал Герасим, — а почему ты пьешь так мало? Глоток глотнул, и все. Я вон полбаклажки выдул».

«Нельзя, Герасим. Все равно пóтом выйдет, а устанешь сильнее... Ты хоть большой, а маленький еще», — смеялся он вдруг.

Герасим и впрямь уже не знал, какой он. Время шло, работы хватало зимой и летом. На другую осень, как поселился у них Петр, стали приглашать Герасима на свадьбы — на гармони дядька Алексей научил его играть, на тулке, — и выходило, что большой. А на свадьбах неинтересно было, хотя взрослым лестно было на них гулять, — и получалось, вроде как маленький. Только на Петра хорошо было глядеть на свадьбах. Пил он меньше других и не пьянел вовсе.

Как-то на свадьбе соседа — горбоносого Сеньки — бойкая худая Матрена Котелкина, обойдя всех, подступила с величаньем и к Петру. Блюдечко с голубым краем держала перед собой. «Как по батюшке-то тебя?» — спросила игриво. «Не принято у нас по отчеству», — серьезно ответил Петр. «Ах, я и забыла», — рассмеялась. И запела — нежно, едва поводя худыми, острыми плечами:

> Аленький наш цветок,
> Аленький наш цветок,
> Лазоревый голубой,
> Лазоревый голубой,
> Петр Битевич дорогой,
> Петр Битевич дорогой,
> Как нам с тобою быть?
> Как нам с тобою быть?

Все глядели на нее и на Петра, а она пела еще нежнее:

> Где нам тебя посадить?
> Где нам тебя посадить?
> Посадим, посадим,
> Посадим, посадим
> Во горенке за столом,
> Во горенке за столом.
> Подарим, подарим,
> Подарим, подарим
> Полотенцем махровым,
> Полотенцем махровым...

Приступала с блюдцем все ближе, ближе и тут же махнула будто бы обиженно рукой: «Да где же ему взять за величанье... Он же не на заработках! Ни серебра, ни меди...» И отступилась со смехом.

Свадьба уже была вдосталь пьяна, давно вытекла из дома во двор, краснощекая Анютка Иванова со «Страданьями» под гармонь Герасима тоже подплыла к Петру. Только что казалась пьяна — и вдруг совсем трезвая, ни в одном глазу. В деревне все знают: давно она неравнодушна к Битевичу.

Подошла близко, отступила, запела, заглядывая прямо в глаза:

> Ах, проклятое страданье,
> Заложило грудь дыханье...

Петр молчит, не подхватывает. Анютка ближе, выжидает. Нет ответа — и сама ему в глаза, в лицо:

> Увлеклася я тобою,
> Оставайся жить со мною...

Не ожидал Битевич. И не ответить нельзя. И запел вдруг чистым несильным голосом, так что Герасим едва успел подстроиться:

> Ты поешь, Анюта, гоже,
> Но мне родина дороже...

Оборвался.

И скучно стало Петру.

Уходили они с Герасимом. У пруда, где шальных криков угасшей Сенькиной свадьбы не слышно было, Петр попросил: «Подыграй, Герасим». И запел тихо в ночи:

> Три дывойки плаве,
> Суне стране, Саве...

Герасиму хотелось успокоить друга, и, когда стелились в сарае, он сказал: «Поедешь вот домой скоро... Кончится же война». — «Когда только, — вздохнул Петр. — Спи, сейчас уж будить придут».

С рассветом, как решил деревенский сход, им надо было ехать в лес — возить бревна для риги погорельца Василия Трусова. Работа была тяжелая. Отправлялось туда пять подвод.

— И никак я его не мог забыть, — неожиданно весело говорит Герасим Андреевич. Он и сам рад своему задору. — Да и не хотел... Тут на фотографии он другой совсем. Не такой он был.

Герасим Андреевич стал разыскивать в россыпи фотографий портретик Петра, а я пошел покурить — досаждать ему дымом не хотелось, баловался он этим делом только однажды в детстве — крутили в ночном цигарки из дубового листа. Битевич, кстати, и отговорил его тогда заводить дурную привычку.

— А съездить-то как, — спросил я, вернувшись, — не удалось, Герасим Андреич?

— Можно было, да жена все помирала, не с руки было... Ведь как вышло. Запомнил я тот Алибунар. И в пятьдесят шестом году напиши туда: так, мол, и так, есть у вас такой — Петье Битевич или нету? И вдруг ответ. От Петра и Ольги — той ведь самой. Стали переписываться, вспоминать. А в шестьдесят втором году пишет Ольга: не стало Петра, умер. Стал мне отвечать его сын — Миле. А в шестьдесят пятом году написал: пишу, мол, это письмо, а мой четырехлетний сын Петье спрашивает: «Кому ты все пишешь, папа?» — «Далеко, — говорю, — пишу — в Россию. Дед твой там давно, давно жил, — работал, а все его помнят там и любят...»

А не так давно и мой внук Сережа написал письмо Петье, они уж теперь большие — Петье семнадцать, Сереже — двадцать... В Туле он живет, Сережа мой.

II

С Сережей мы договорились поехать в Ясную Поляну. Холод стоял жуткий. Вылезли из набитого битком автобуса и сразу оказались одни на чистом белом снегу. Тропинка шла мимо яснополянской больницы и уходила в деревья. Небо чистое, солнце, снега́ да вот эти деревья — только и было всего здесь до самого горизонта, но хватало этого для всего, хватало всем, как когда-то хватало Толстому.

Сережа учился в политехническом институте на последнем курсе, и в Ясной, конечно, был. Но был странно — не заходя к Толстому. Собирались они здесь с друзьями, в яснополянском лесу, сходились обычно осенью, в теплые еще дни. Место тут было уединенное, не к Толстому ездили. Время, однако, проводили довольно невинно. Сам Сережа не выносил ни курения, ни выпивки, считая это не то что баловством, но занятием даже безнравственным. Хорошо понятое им отвращение вполне здорового ребенка к этим соблазнам, как отвращение зверя к дыму и алкоголю, было уже поддержано в нем и сознанием. «Жить и без того хорошо, — говорил он. — Пока». — «А если плохо будет?» — спрашивал я. И он честно отвечал: «Не знаю». Но в незнании его чувствовалась сила сопротивляться этим соблазнам и в плохости.

Вообще он ни на какой вопрос, пустяковый даже, не отвечал, не думая, словно все время решал что-то сложное и последний раз в жизни решал, чтобы уж не возвращаться к этому никогда. Поэтому, верно, и удивлялся всему мало. В группе, как я понял, его уважали, выражая это уважение самым прямым и непосредственным способом, то есть не опасаясь доверить ему руководство собою и избирая комсомольским секретарем.

Был он с красивым, ясным лицом, с глазами, смотрящими чуть наивно и часто потупленными, как бывает обычно с людьми, много живущими в себе, в душе своей. А еще был он низковатого роста. Как всякого человека с такой особенностью, это его удручало, не могло не удручать, надо было найти защиту, и он нашел ее — стал сильным физически. Двенадцатикилограммовые гантели и хатха-йога принесли ему умиротворение. «Физические упражнения, — говорил он обстоятельно, — развивают мышцы, а статическое напряжение — сухожилия». («Совьется утром, — вспоминал я слова его отца, — в клубок и лежит. Не поймешь, где нога, где рука».)

— А зачем надо быть сильным, Сережа?

— Чувство совсем другое — физическое... А потом, хоть в институте, совсем к тебе другое отношение, среди друзей даже. Головы ведь, в сущности, у всех одинаковые, но в самых крайних столкновениях мнений попробуйте оскорбить сильного — не осмелиться. Это даже удобней — можно и дальше выяснять мнения и только на уровне, так сказать, размышлений, не кулаков... Кстати, вы знаете хатха-йогу? Там какой главный принцип: первое — это нахождение равновесия самого с собой, второе, конечно, выше — равновесие с окружающими. Но главное и там и тут — ни в коем случае не лгать.

— Удается, Сережа?

— Тут стремление важно. А чтоб всегда удавалось... В стремлении смысл... Дед, например, прямым был всю жизнь. Работал, вы знаете, слесарем-наладчиком, и из-за прямоты этой много у него было всяких неприятностей. Но неприятности миновали, он их и не вспоминает даже, а чувство, что он прав был, что по-другому поступать не надо было, это осталось с ним. До сих пор.

Яснополянская аллея уже вобрала нас в свой снежный коридор.

— Кстати, давно вы, Сережа, знаете историю эту — деда и Битевича?

— Как родился, так вроде и знаю. А потом, он же рукопись написал — сто двадцать страниц. Читать давал. Вот тоже настойчивость — шесть классов всего у деда, а он книгу затеял. Жуткой настойчивости человек. И ведь написал. Плохо ли, хорошо, а написал. И музыка — это ведь он меня научил, не хотел я. Отец хотел, чтобы я в музыкальной школе учился, а я нет. У нас такой семейный рассказ есть. После пятого класса хотел отец отдать меня в музыкальную школу, а я ни в какую. И вот приехал дед, посидел, как все рассказывают, со мной ночью, а утром я в ту школу и пошел.

— А говорил о чем?

— Убей, не помню. И дед не говорит... Музыкантом, правда, не стал — что таланта нет, я сразу почувствовал. Но школу кончил. Теперь дед приезжает, сядет, сыграй, говорит. Любит, когда я ему играю. Всплакнет иногда. На гармошке-то он научил меня играть.

Не только голова, руки у него, похоже, не ленивые были. Дома, говорил, соорудил себе цветомузыку. «Примитивно, деталей нет, — сожалел, — не достать... Вот домой придем, я вам Тухманова поставлю, увидите. Любите Тухманова? Его надо много раз слушать, обязательно много. Потом вдруг поймешь, что это нечто удивительное — неразрозненное совсем, как в начале кажется. Я ведь думал, он старый, Тухманов... Там, в одной пластинке, вся жизнь человеческая — от рождения до смерти. А он оказался молодой... Как это можно, а!»

— Завидуете?

— Нельзя завидовать, смысла нет.

Кончилась аллея и отпустила нас. Дом стоял — белый на белом снегу.

— Сергей, вы не видели Петье. Он вас. Как можно переписываться? О чем? Что-то неживое в этом есть, не кажется?

— По-моему, все-таки нет. Сначала действительно какая-то пустота была. Ну, в память о прошлом, ну, действительно, была там дружба. Ну и что? Не наша ведь... Но, как вам сказать, очень они искренние люди. Мы с Петье по четыре письма всего написали друг другу. В его письмах слов пустых нет — вот что, пожалуй. Однажды пишет: писать, мол, не смогу долго, но ты не обижайся — уборка у нас, самое трудное время, не до писем. Но ты жди. Они трудно живут — свое хозяйство. Как дед когда-то... Жизнь вообще, мне кажется, сложнее, чем любые знания о ней. В ней Баха много.

— Как вы сказали, Сережа?

— Вы заметили, Баха играют, когда чувство уже не выразить словами — когда слов уже нет, совсем нет... В кино, по телевидению. Это ведь очень счастливый случай — с Битевичем и Ольгой. Счастливый и поэтому простой. Ждала она его и дождалась, и потом все так складно, хорошо вышло.

— Счастливые семьи счастливы одинаково... Помните? Простите, Сережа, у вас есть девушка?

— Была. Познакомились на Октябрьскую, салют смотрели вместе... Обиделась она потом, не встречаемся.

— Обиделась или обидели?

— Обидел, наверное.

— И что?

— Да, думаю, помиримся.

Мы миновали конюшню, в которую Толстой пробирался ночью — потихоньку, с фонарем (не разбудить бы Соню...), потерял шапку.

Большинство людей, думал я, даже в своей собственной жизни прожитую уже часть словно и не считают жизнью — она прожита, и нет ее, только настоящее и будущее это еще вроде бы и есть жизнь. Что же говорить не о собственной — о чужой жизни: можно ли считать ее своей, как сделать, чтобы она ощущалась как твоя собственная — твой опыт, твое прошлое, и можно ли это сделать... Но вот же у Сорокиных получилось это.

— Чего вы не любите в людях, Сергей?

— Не люблю, когда они меняют отношение друг к другу в зависимости от достигнутого положения. Скверность какая-то в этом, даже не скажешь что, у каждого посвоему, наверное, а все равно скверность.

— Уже встречались с этим?

— Не совсем. Но вот у меня друг поступил в Москву учиться... Я уж ему четыре письма написал, а ответа нет.

— Может, пустяк какой — некогда, заболел... Мало ли что! Да и вообще, вправе ли мы обижаться на такое?

— Может, и не вправе. Да ладно, бог с ним... Помните, дед написал Битевичу, а тот ему — и оба не знали, кто они сейчас в жизни. Просто написали — и все. Через сорок лет... Какую доброту надо друг к другу иметь!

— Да так ли уж, Сережа, в положении все дело — в достигнутом?

— В чем же тогда?

— Ну, вот Толстой граф был... Тоже положение. А впрочем, вы знаете, он ведь не любил людей не своего круга. И мучился от этого, заставлял себя любить.

— Вы правы, наверное... Положение только сильнее проявляет человека, а так все в нем уже — и хорошее и плохое.

— Кстати, Сережа, хотели бы увидеть Битевичей? Я в том смысле, что было бы вам что сказать им, о чем молчать с ними?

— Кажется, все-таки было бы.

— Вы, я вижу, не уверены.

— Знаете, я бы все-таки больше их слушал... А вообще-то, очень интересно, что и как они помнят и так ли, как мы, и зачем помнят.

Маленькие зеленые указатели-стрелочки, какие бывают в парках, привели нас.

Слово «скромная», обычно употребляемое к этому месту, не подходило. Могила — холмик над ней — была щемяще маленькой. Аккуратно сложенные на ней еловые веточки делали ее совсем узкой. Да там ли он, в самом деле... Овраг подступал к ней. И чисто было до невероятности, до недоверия. Прислоненная к дереву, стояла метла. В стороне. И все равно рядом. Куда ни поставь.

Мы молчали.

Потом Сережа сказал, что отцу его както пришла в голову мысль: поставить здесь счетчик — «это просто делается: фотоэлемент — и все», — и можно было бы знать, сколько человек тут было всего.

— Вы б поставили? — спросил я.

— Счетчик учел бы и вон тех, — кивнул Сергей на березы невдалеке — там шариковыми ручками было выдавлено по белизне: «Здесь были...», «Сюда приходили...»

Мы заторопились. Вернее, заторопился Сергей, его ждал диплом. День был что ни на есть будний. Времени ему не хватало. О времени он вообще думал и говорил странно. Рассказывал мне, что какой-то наш нынешний ученый сумел чуть ли не материализовать время — его даже можно было взвесить — почти видеть, а значит, видеть, как мало его нам отпущено. Кивая, я не понимал этого, но чувствовал, однако, что это не значит, что я прав.

Кашира — Тула — Москва



ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА ГРЭМА ГРИНА

Майкл МЬЮШОУ,
американский журналист

Книги Грэма Грина хорошо известны в нашей стране. Советский читатель любит их за человечность.

Понять особенности творчества Грина — задача непростая. Путь к ее решению — сама личность писателя, его мировоззрение, сложное и противоречивое, как и его искусство.

Жизнь Грина изобиловала драматическими событиями и опасными приключениями. Грин был репортером, театральным критиком, путешественником. Более десяти лет он состоял в политической разведке при министерстве иностранных дел Англии, будучи одновременно корреспондентом «Таймс» в странах Африки. Поэтому не приходится удивляться, что он с таким знанием дела раскрывает пружины действия разведки в романах «Наш человек в Гаване», «Тайный агент», «Министерство страха», «Тихий американец» и других. Не случайно и увлечение писателя жанром политического детектива. Его политические детективы всегда основаны на реальных событиях, которые он наблюдал и в которых ему приходилось принимать непосредственное участие. «Я не имею дело с фантазией и воображением. Только с фактами», — сказал однажды сам Грин.

Грэм Грин — сложный художник, а его творчество не лишено противоречивости. К примеру, весьма часто Грин, как католик, охотно говорит о боге и спасении души, но католицизм его вынужденно — «я имею дело только с фактами» — непоследователен. В ряде произведений конфликт между этими фактами жизни и догматами церкви решается далеко не в пользу церкви. Не случайно несколько романов Грина (например, «Власть и слава», «Суть дела») были запрещены Ватиканом.

Судя по публикуемому интервью, Грэм Грин и сегодня остается творчески активным. Весной этого года должна выйти в свет его новая книга — «Состояние человеческое».

Вечера в Антибе уже не такие, как в те славные времена, когда Скотт и Зельда (Фицджеральд) [1] ужасали местных французов, проносясь с бешеной скоростью на автомобиле. И все же, как ни изменился Антиб, он все еще выгодно отличается от Майами Бич, с его кричащей безвкусицей.

В тот вечер я покинул отель «Хай Корниш» и влился в нескончаемый поток автомобилей, продиравшихся вдоль стен старинной крепости к морю, как полчища муравьев. Я долго кружил по лабиринту узеньких улиц старого города, запруженных машинами, захлебывающихся выхлопными газами, пока, наконец, не нашел место для стоянки. На набережной повсюду лотки, где продают «хот догз» и кока-колу, закусочные на американский манер, французы называют это «кока-колонизацией» своей страны. Публика на улицах, как в униформе — джинсы и куртки, невзирая на возраст и комплекцию.

На улице потише, почти сплошь заставленной особняками в стиле модерн, я нашел нужный мне дом и нажал кнопку звонка. Дверь автоматически отворилась. Пройдя через длинный и пустой холл, я стал подниматься по лестнице навстречу уже ждавшему меня человеку, который, возможно, является сейчас лучшим из современных писателей, пишущих на английском языке.

Грэм Грин очень высок, выше 6 футов. Он слегка сутулится, но не по причине возраста, а потому, что имеет привычку немного наклоняться к собеседнику — слушает с пристальным вниманием.

Мы вышли на террасу, и шум уличного движения так оглушил нас, что мы стали говорить громче.

— Движение не ослабевает ни на минуту, даже ночью, — пожаловался Грин. — К тому же по вечерам все сидят на

---

[1] *Скотт Фицджеральд (1896—1940)* — *выдающийся американский писатель, известный советскому читателю по романам «Великий Гэтсби», «Ночь нежна», «Последний магнат» и др. — Примеч. ред.*

балконах у жаровен и громко обсуждают свои семейные дела. Уснуть невозможно. По утрам иной раз чувствуешь себя настолько разбитым, что просто не можешь работать.

— Когда вы приступаете к работе и сколько времени работаете в день? — задал я типичный вопрос, с которым обращается и начинающий репортер, но уж очень это соблазнительно — узнать писательские секреты.

— Обычно я просыпаюсь в 6 утра и сразу начинаю работать, пока не напишу 100 слов. Это занимает примерно 5 часов. Я должен быть строг к себе, а то ничего не сумею сделать. Когда-то я писал по 500 слов в день (примерно 4 страницы на машинке. — *Примеч. ред.*), с возрастом я почувствовал, что для меня это слишком много, и мне пришлось сократить дневную норму до 300, а потом и до ста слов в день — просто, чтобы не потерять остроту пера. — Когда он улыбается, его ресницы взлетают вверх. — Никогда не теряю счет и прекращаю писать точно на сотом слове, даже если оно оказывается посредине абзаца.

Я позволил себе усомниться, но Грин убеждал меня, что именно так он и делает.

— Когда я был молодым, мне удавалось каждый год выпускать новую книгу. Но даже тогда я по многу раз переделывал свои романы, снова и снова возвращался к написанному, добиваясь того, что хотел. А сейчас каждая книга отнимает у меня многие годы, и все равно получается не совсем то...

Как странно, заметил я, что многолетний опыт и постоянная практика не облегчают работу романиста. Казалось бы, писатель, который так часто добивался успеха, должен бы уверовать в силу своего таланта.

— Не льщу себя надеждой, что у меня есть какой-то особый талант. Не верю в талант, все дело в том, сколько сил и труда вы готовы отдать делу, — сказал Грин.

Несколько минут мы молча смотрели на старую крепость, и я думал о том, что скромность, стремление к уединению и нелюбовь даже к незначительным комплиментам отличают Грина от очень многих писателей нашего столетия. Ведь фактически его можно считать современником таких блистательных американцев, как Хемингуэй и Фицджеральд, с которыми здесь, в Антибе, так много связано. Хемингуэй часто любил повторять свое жизненное кредо: «D' abord il faut durer» — «Прежде всего нужно продержаться». Но именно Грин, сдержанный, предпочитающий быть всегда в тени англичанин, «продержался» и продолжает писать — 5 часов в день, по сто слов. А другие сгорели.

В 1973 году вышел в свет его роман «Почетный консул», который сразу получил всеобщее признание и стал бестселлером. Собственно, и прошлые романы Грина имели большой успех как у широкой публики, так и среди самых строгих критиков. Примечательно, однако, уже то, что и в 70 лет писатель оставался в зените творческих сил; он продолжал писать о революции, о судьбах народов развивающихся стран; вопросы жизни, смерти и убеждений человека — основные вопросы литературы — по-прежнему были в центре его произведений. В каком-то смысле «Почетный консул» можно считать продолжением раннего романа Грина «Власть и слава». Сопоставление этих двух произведений дает возможность оценить ту огромную дистанцию, которую человечество прошло за последние четыре десятилетия как в философском, так и в политическом смысле. В романе «Власть и слава» священник, несмотря на все репрессии диктаторского режима, превозмогает в себе страх, и опорой ему в этом служит его вера. В «Почетном консуле» священник порывает с церковью, которая выступает в союзе с военной диктатурой ультраправого толка, и переходит в лагерь революционеров. По словам Грина, его симпатии всегда были на стороне человека, порывающего с догмой. И последний роман лучше и точнее других отражает эти симпатии.

— Приятно сознавать, что обо мне никто не говорит: «Его лучшие вещи написаны 30, 40 лет назад».

За Грином давно утвердилась репутация художника, способного видеть далеко вперед. Этот дар провидения ощущается во множестве, казалось бы, вымышленных его историй, относящихся к событиям в горячих точках земного шара. Тот же дар предвидения ощущается в статьях и очерках Грина, в его интервью со многими видными политическими деятелями, такими, как Фидель Кастро и Хо Ши Мин.

Уже по ранним романам можно судить об огромном жизненном опыте, приобретенном Грином в Африке, во Вьетнаме, в Малайзии, на Кубе, на Гаити. Но страсть к путешествиям не ослабела у него и в последнее десятилетие, он всегда стремится ощутить пульс времени и быть свидетелем важных событий, происходящих в мире. Внимание многих писателей привлекали бурные события в Латинской Америке, но в то время как многие предпочитали писать об этих событиях, сидя у себя дома, Грин взял себе за правило ежегодно посещать этот континент, чтобы увидеть все собственными глазами. Обычно во время этих поездок за ним по пятам ходили агенты ЦРУ. «Мы ждали вас», — услышал он по телефону голос с явным американским акцентом в первый же день своего приезда в Чили. А в 1973 году Грин отказался от турне по США, куда его пригласили в связи с изданием «Почетного консула», — вместо этого он улетел в ЮАР, где для него заранее были организованы тайные встречи с подпольем.

На улице загорелись фонари, и мы зашли в гостиную.

Я заметил, что меня всегда восхищали книги Грина, но еще больше его энергия, мужество и бесстрашие. Он отмахнулся от комплимента, заявив, что на самом деле он по натуре труслив.

— Да, да, я всегда страдал от массы комплексов. Например, я ужасно боюсь воды. Всю жизнь боялся.

И он стал рассказывать о том, как на Таити заставлял себя часами нырять в океане, чтобы побороть страх перед водой.

— Но разве это не свидетельствует о вашем мужестве! Только очень сильный духом человек может вот так преодолевать себя — купаться в открытом океане, несмотря на то, что страдает водобоязнью.

— Нет, все равно я трус, — покачал головой Грин.

«Та же пластинка, что и с талантом, — подумал я. — А может быть, в противоположность известному утверждению Грин хочет, чтобы его судили не по его делам, а по грехам и слабостям, которые он сам в себе ощущает? Но вот что интересно. Та же парадоксальная особенность отличает и героев его книг: они совершают смелые поступки потому, что хотят преодолеть свои слабости, они творят добро, потому что находят в себе зло».

После этого замечания о трусости наступило неловкое молчание. Я, разумеется, знал, что среди журналистов Грин пользуется репутацией человека скрытного, неохотно раскрывающего свои личные переживания и мысли. Он, например, ни разу не давал интервью по телевидению. На случай такой паузы у меня были припасены специальные вопросы, наполовину серьезные, наполовину шутливые. Я припомнил Грину, что, когда ему было семь лет, он отвечал на вопросы школьной анкеты и выиграл приз — 12 тюбиков краски. Я решил снова задать Грину эти вопросы и сравнить сегодняшние признания с теми, школьными.

— Самая большая цель в жизни?

Тогда: полететь на аэроплане. Сейчас: написать хорошую книгу.

— Что такое счастье?

Тогда: поехать в Лондон. Теперь: душевное равновесие.

— Любимый литературный герой?

Тогда: Дикстон Бретт. Сейчас: великий инквизитор в «Братьях Карамазовых» Достоевского.

— Какие черты характера ты больше всего ценишь в мужчине?

Тогда: красивая внешность. Теперь: чувство юмора.

— А в женщине?

Тогда: чистоту. Теперь: ум, наверное.

— Любимое занятие в свободное время?

Тогда: игра в индейцев. Теперь: книги и путешествия.

Я вскоре понял, что, беседуя с незнакомым человеком, Грин лучше всего чувствует себя, когда ему представляется случай рассказать какой-нибудь анекдот или любопытную историю из своего богатого прошлого. А поводов для таких рассказов было сколько угодно. Я обратил внимание на картину, висящую над диваном, и сказал, что она мне очень нравится. Это послужило поводом для рассказа о Кубе и о встречах Грина с Фиделем Кастро.

Впервые Грин приехал на Кубу в качестве корреспондента журнала для того, чтобы взять интервью у Кастро, сражавшегося с армией Батисты. С помощью посредников он сумел организовать эту встречу в горах Сьерра Маэстра. Грину удалось получить очень интересное интервью, и, прощаясь с Кастро, он спросил, чем может отплатить за столь радушный прием. «Приходите к нам почаще и приносите с собой теплые вещи», — ответил Кастро. В горах было холодно, особенно по ночам, и повстанцы мерзли. Грин знал, что за ним следят батистовцы, к тому же он боялся поставить под удар свою репутацию нейтрального журналиста. Но Кастро успокоил его, сказав, что им вовсе не нужен грузовик с вещами, достаточно принести с собой несколько свитеров. Они решили, что в следующий свой визит Грин наденет на себя как можно больше теплых вещей, вряд ли батистовцы смогут заподозрить что-нибудь, в крайнем случае, писатель скажет, что замерз. («Эти англичане всегда мерзнут, даже в тропиках».) И вот каждый раз, идя на встречу с Кастро, Грин надевал на себя с десяток «шкур». В долине он обливался потом, изнывал от жары, а поднявшись в горы, снимал с себя все свитеры и связывал их в узел. Обратно же шел налегке. Спустя много лет, когда Кастро стал во главе государства, Грин снова приехал к нему, на сей раз одевшись подобающим образом. Тогда-то Кастро и подарил ему эту картину в знак благодарности за помощь во время революции.

Потом наш разговор незаметно перешел на другую тему — опасные приключения писателя на Гаити. Почему я не заметил никакого перехода? Потому что, во-первых, Грин — законченный рассказчик и умеет подчинять своей воле слушателя так же, как он мастерски управляет читателем. Особенно выразительна жестикуляция его рук: он то сжимает их на коленях, то отпускает «в свободный полет» — в наиболее драматические моменты рассказа. А во-вторых, в его миниатюрах, в том, как он связывал их в общий рисунок, скрывается нечто, что я бы назвал логикой картографа: ему удается легко соединять далеко отстающие друг от друга точки земного шара с такой же безошибочной точностью, как если бы их пересекали одни и те же параллели или меридианы.

Лично я сам как-то оказался в Порт-о-Пренсе (столице Гаити) во время очередного инцидента, который в официальных сообщениях был назван «неудавшейся попыткой переворота». На всем острове был отключен свет, туристов загнали в гостиницы, а улицы патрулировались тонтон-макутами — нервными охранниками Дювалье. Только потом мы узнали, что случилось: во время бурной семейной сцены Папу Дока заперли в ванной, и он нажал на сигнал тревоги, чтобы телохранители немедленно освободили его. Да, Папа Док был бы очень смешон, если бы не был так страшен.

— А знаете, это он благодаря мне заинтересовался издательским делом, — не без гордости сказал Грин. — Прочтя мой роман «Комедианты», он пришел в такую ярость, что поклялся во что бы то ни стало отомстить мне. Но вместо того чтобы приказать одному из водуистских фанатиков всадить в меня мачете, он решил нанять писаку, чтобы сочинить на меня пасквиль. Вышел целый том идиотской чепухи, изданный на деньги самого Папы Дока. С большим трудом мне удалось раздобыть экземпляр этой галиматьи. Сейчас я его не променяю ни на что.

Затем мы стали говорить о кино. Грин и сейчас с удовольствием смотрит фильмы, хотя, конечно, гораздо реже, чем в те годы, когда он был критиком английского журнала «Спектейтор». Но с миром кино он предпочитает не иметь дела. На Каннском фестивале, например, он не бывал много лет, хотя Канны находятся совсем близко от Антиба. Тем не менее не так давно он сам дебютировал в кино в качестве... артиста. А случилось это так. Недалеко от Антиба Франсуа Трюффо (известный французский кинорежиссер. — *Примеч. ред.*) снимал фильм «День как ночь». Это фильм о том, как трудно снимать фильм. Первоначально он назывался «Американская ночь» — что на языке кинематографистов означает технику съемок ночных сцен днем. Трюффо хотел показать, каким образом кинематографическая правда достигается порой с помощью изобретательных технических приемов, как даже слабым актерам в кино зачастую удается создать иллюзию значительных образов и как можно иллюзию превращать в реальность. В фильме, который снимается как бы внутри фильма, погибает ведущий актер, и из Лондона выезжает на место съемок агент компании, застраховавшей фильм, который должен определить, стоит ли продолжать работу над картиной или прекратить съемки. Роль этого страхового агента эпизодическая, но очень важная, и Трюффо никак не мог выбрать на нее актера из числа тех профессионалов, которые были в его распоряжении. Наконец, отчаявшись, он решил дать объявление в газете о том, что нужен англичанин такого-то возраста на предмет участия в снимающемся фильме.

Грэм Грин прочитал объявление и приехал на пробу под вымышленным именем. Трюффо остался им очень доволен. «Вот вам истинный англичанин, — сказал он, — как раз такой, какой мне нужен, — тертый, расчетливый страховой агент». Режиссер уже просматривал отснятый материал, как вдруг кто-то из операторов воскликнул: «О боже, да ведь это Грэм Грин!» Сначала Трюффо страшно расстроился: жизнь и в самом деле сыграла над ним шутку: в то время, как режиссер предавался своим исследованиям о связи иллюзии и реальности, он сам оказался жертвой одной из своих иллюзий. Потом ему стало неловко, что он не узнал писателя, чьи книги так восхищали его. Трюффо позвонил Грину, долго извинялся и обещал вырезать сцену с его участием. Но Грин успокоил его, сказав, что в этом нет никакой необходимости; он получил большое удовольствие от съемок и хотел бы остаться в фильме. «В таком случае, — заявил Трюффо, — ваше имя непременно будет фигурировать в титрах». Но как раз этого Грин не хотел и заставил Трюффо поклясться, что никаких упоминаний о нем не будет.

— Мне было очень любопытно, заметит ли кто-нибудь, — объяснял Грин. — Почти никто не заметил, и этот секрет немало занимал меня.

«День как ночь» был выпущен на экраны США в то же время, что и роман «Почетный консул», но Грин не попытался использовать как-то это совпадение в целях рекламы. Можно только представить себе, какой шум был бы поднят по такому поводу другими писателями...

Я очень хотел вызвать Грина на разговор о Вьетнаме, ни один писатель не знает так эту страну и корни конфликта, приведшего к войне. Ведь он был во Вьетнаме еще до Дьенбьенфу [1] и задолго до высадки во Вьетнаме американской морской пехоты предсказал страшную катастрофу, которая ожидала США в этой стране. Но тут писатель оказался немногословным. Правда, он удивительно комично изобразил истерический смех Нго Динь Дьема [2], у которого не раз брал интервью, рассказал, с каким волнением и даже страхом шел на беседу с Хо Ши Мином, которого считает одним из самых выдающихся людей. Но о самой войне он предпочел не говорить. Да и что еще можно добавить к тому, что написано в «Тихом американце», который, бесспорно, остается лучшим романом об этой войне даже по мнению военных специалистов. И здесь снова нельзя не вспомнить об удивительном даре предвидения писателя, ведь «Тихий американец» был написан 20 лет назад! Грин только сказал мне, что очень полюбил вьетнамцев и особенно Сайгон (ныне Хошимин), город пах цветами и всегда бурлил жизнью.

Он живо откликнулся, когда я спросил, что он делал в тот день, когда началась вторая мировая война.

— Писал, — сказал он. Раздался вой сирены, и он подумал, что Лондон скоро окажется в руинах. Потом он стал смотреть на улицу из окна своего дома в Хемпстеде (район Лондона, где до войны жили в основном писатели, художники, артисты) и незаметно для себя стал записывать то, что видит. Вот женщина прошла с собакой по дорожке, ведущей к парку. Он записал: «Вой сирен первой воздушной тревоги. Объявлена война. Женщина идет с собакой. Останавливается около дерева...»

Да, писатель всегда остается писателем, воспринимая жизнь с трезвостью постороннего наблюдателя «через кристаллик льда», как говорит Грин. Казалось, ему даже неприятно это его писательское ощущение жизни. Он рассказал, как однажды ему делали операцию в больнице и в его палате умер ребенок. Когда пришли родители, все надели наушники, чтобы не слышать крики матери. К своему удивлению, он поймал себя на том, что единственный из всех прислушивался и наблюдал все, что происходило вокруг него.

В комнату проник запах горящих углей — на балконах соседи принялись жарить мясо. Судя по всему, Грину предстояло испытать еще одну бессонную ночь. Я поднялся и спросил на прощание, над чем он работает. Он ответил, что над новым романом, который на самом деле был написан давно и отложен по разным причинам в долгий ящик. А также над сборником коротких рассказов автобиографического характера.

— Если вы включите в этот сборник те эпизоды, о которых вы мне сегодня рассказали, это будет восхитительная книга, — промолвил я.

— Не знаю. Интересные эпизоды, люди, с которыми встречаешься в жизни, — все это очень приятно, но такой опыт отнюдь не обязательно помогает писателю лучше писать. Хорошая книга рождается не из этого.

Когда мы спускались в лифте, он добавил:

— Я иногда думаю, что неудача, горечь поражения и чувство одиночества оказывают на художника самое большое воздействие.

Мы пожали друг другу руки, и я оказался на улице. Я шел и думал над последним парадоксом Грина. Он как будто хотел представить дело так, что его книги, хоть они и прекрасны и убедительны, рождались у него из чувства неудовлетворенности, а на многочисленные приключения, на богатую и разнообразную жизнь толкали его чувства внутренней опустошенности, одиночества и неудачи. И все же мне казалось, что Грин слишком увлекается самобичеванием. Если что-нибудь для меня и стало ясно, так это то, что он большой человек, живущий по своему моральному компасу. Всю свою жизнь он шел туда, куда указывал этот компас. Выдающийся писатель, он и читателя заставляет следовать в направлении, указываемом стрелкой его компаса.

Город Антиб в самом деле очень изменился со времен Фицджеральда и его друзей, бродивших по этим набережным в поисках новых образов, полных красоты и достоинства, образов, которые переживут их чистую молодость и останутся, даже если сами художники станут другими. А Грэм Грин остался. Он всегда был верен себе, и книги его будут жить.

Перевел с английского А. МЕССЕРЕР

---

[1] *В 1954 году в битве при Дьенбьенфу вьетнамская Народная армия нанесла решающее поражение французским колонизаторам. — Примеч. ред.*

[2] *Нго Динь Дьем — южновьетнамский диктатор, ставленник американского империализма. — Примеч. ред.*



существование через ритм, через движение. В искусстве единственное, что богаче танца, — это музыка. Но танец для меня — зримая музыка.

— Вы говорили, что музыка ваша главная страсть. Когда вы начали серьезно заниматься музыкой?

— Очень поздно. Мое отрочество проходило в Марселе, в самый разгар войны; в то время и речи не было о пластинках. Как и многих детей, меня пробовали учить музыке, но занятия показались мне такими академичными, такими скучными, что я быстро разочаровался. Долгое время в музыке я очень отставал. Но бессознательно я испытывал потребность в ней и, начав танцевать, стал ежевечерне ходить в Марсельскую Оперу, единственное в то время место, где можно было послушать музыку. Я старался отключиться от того, что происходило на сцене, чтобы лучше погрузиться в звуки. Иногда в программе стояли Моцарт, Вагнер — я бывал счастлив. Другой раз исполняли незначительных композиторов, и все равно я был счастлив, я был тогда всеяден.

Танцевать я стал тоже поздно — в тринадцать лет, но настоящий мой дебют на сцене состоялся в восемнадцать. Именно тогда я открыл для себя в танце новую духовную жизнь, и балет сделался для меня необходимостью.

— Танец породил музыку или музыка танец?

— Музыка и танец родились, по-видимому, вместе. Крик — еще не музыка, а ритм появился тогда, когда ноги начали отбивать такт. Освобожденная от танца музыка получила развитие. Танцу не удалось изведать самостоятельного существования. Однако некоторые артисты доказали, что для танца это также возможно, и я лично верю в танец без музыки. Правда, танец без музыки представляется мне еще более слитым с ней, потому что он строится по ее законам.

МОРИС БЕЖАР: ТАНЕЦ КАК ЗРИМАЯ МУЗЫКА

Ярким примером международного сотрудничества в области искусства пресса многих стран мира называет совместную работу известного французского хореографа Мориса Бежара с советскими артистами — Майей Плисецкой и Владимиром Васильевым. Специально для Плисецкой Бежар поставил балет «Айседора», для Васильева — «Петрушку». В прошлом году труппа Большого театра с огромным успехом показывала балеты Бежара во время гастролей во Франции и в Австралии. В публикуемых ниже интервью с Бежаром и с Плисецкой вы можете познакомиться со взглядами этих выдающихся художников на современное балетное искусство, а также с их впечатлениями о совместной работе над балетами «Айседора» и «Болеро».

— Вы не раз говорили, что танец требует от артиста полной самоотдачи...

— Да, искусство танца воссоздается ежедневно. Танцор ведет непрерывный бой со своими мускулами, своим телом, своей волей. И каждый день он бросает вызов самому себе. Идеальным артистом мне представляется танцор, научившийся думать всем телом. Помимо способностей, артисту балета необходимы железная дисциплина, критическое отношение к себе, умение точно переводить словесные указания на язык движения. Но движением можно выразить и то, что нельзя выразить словом. Язык речи мечтает о языке тела. Наконец, хороший танцовщик должен обладать великолепной техникой, но забыть о ней, вернее, заставить забыть о ней зрителя в момент танца.

— Как, по-вашему, танец соотносится с жизнью?

— Танец берет свое начало в обрядах. Это хорошо прослеживается в странах, сохранивших фольклорные традиции. На Западе церковь приняла живопись, музыку, но не танец. Когда Людовик XIV основал Национальную академию музыки и танца и пожелал сделать хореографию респектабельным искусством, танец стал попросту развлечением для аристократии. Исходный смысл его был утерян, он стал холодным, чопорным, и не случайно современная молодежь отказывается принимать такой танец. Тысячи молодых людей, готовых ночи напролет танцевать в современных ритмах, по существу, открыли для себя новый обряд.

Они танцуют прежде всего для того, чтобы обрести себя. Танец стал в наше время источником самовыражения. Жизнь — это ритм, ритм сердца; танец неотделим от ритма и выражает наше

...Мне говорят: «Вагнер — это священно», или: «Девятую симфонию Бетховена нельзя танцевать». А я упорно верю, что танцевать можно всякую музыку. Проблема музыкального почитания — ложная проблема. Есть музыка, которую любишь, и музыка, которую не любишь. А если ты любишь какое-либо музыкальное произведение очень сильно, прямотаки до безумия, тогда все возможно. Бетховен, Вагнер, все великие гении создавали свои произведения для того, чтобы их любили, чтобы они жили. И самое лучшее, что может произойти с произведением искусства, — это то, что оно породит другое произведение искусства.

Важно только помнить, что новое произведение, созданное в другом жанре искусства, ни в коем случае не должно имитировать своего родоначальника. Оно, как сын по отношению к отцу, — имея с ним одни корни, ведет в дальнейшем

независимое существование. Скажем, Шекспир написал «Ромео и Джульетту». Несколько веков спустя Берлиоз уходит потрясенным после блестящего театрального представления и решает написать симфоническую и лирическую версию бессмертной истории о двух влюбленных из Вероны. Но его Фантастическая симфония — это не просто перевод литературного произведения в другой жанр. Речь идет не о «фотографии», но об оригинальном и аутентичном произведении, отпочковавшемся от другого, уже существующего. И если я, в свою очередь, век спустя, берусь ставить балет по партитуре Берлиоза, то ставлю перед собой цель создать абсолютно оригинальное хореографическое произведение, уходящее корнями в видение Берлиоза.

— И все же: расскажите, как вы осмелились поставить балет на музыку Девятой симфонии Бетховена?

— Я очень люблю эту симфонию. Но до поездки на Кубу мысль о постановке такого балета не приходила мне в голову. Я был восхищен Кубой, и по многим причинам. В частности, я обратил внимание на то, что в этой стране не существует расовой проблемы. Черные и белые живут там в добром согласии. Я лично всегда был озабочен расовой проблемой и считаю расизм противоестественным для человека. Когда я вижу человека на улице, никогда не замечаю цвета его кожи. Мне случалось подолгу разговаривать с кем-нибудь, а потом меня спрашивали: «Так вы знакомы с этим парнем из Мартиники или же с этим японцем?» А я и не заметил, кто они.

Мне уже давно хотелось сделать балет, который объединял бы людей всех цветов кожи. По возвращении с Кубы эта мысль не оставляла меня. Однажды вечером я включил Девятую симфонию и вдруг понял, что как раз эта музыка необходима мне для балета о братстве народов. Я знал, что прежде всего мне надо было как можно глубже проникнуться гениальной музыкой Бетховена. В течение двух месяцев я занимался исключительно тем, что анализировал партитуру, снабжая буквально каждый такт своими пометами и замечаниями. У меня не было никакого предварительного представления о рисунке танца. Я просто погружался в музыку, и хореография возникала внезапно [1].

Архитектоника симфонии чрезвычайно сложна. Основные мелодии повторяются много раз — ясно и четко, — но ни разу в том же варианте. Они все время видоизменяются как в отношении гармонии, так и инструментовки. Другими словами, все время меняются краски, и дивные превращения эти очень трудно изобразить в танце. Но в моей хореографии, будь то свободный танец или танец на пуантах, классические па, сменяющиеся бурными, исступленными движениями негритянского религиозного танца, — всюду прослеживается главная тема, тема братства людей всех национальностей. Я счастлив, что эту монументальную постановку — в ней участвует 95 танцовщиков — восторженно принимают в самых разных странах. В Западном Берлине ежедневно Дворец спорта, вмещающий 7 тысяч человек, был переполнен. А ведь именно немецкую публику я больше всего боялся — Бетховен принадлежит им, они ревностно относятся к любой интерпретации его музыки. Но успех моего балета в Западном Берлине был не меньшим, чем в Брюсселе и Париже. И этот успех еще раз убедил меня в том, что танец способен объединить всех людей.

— Многие критики считали, что в ваших балетах могут успешно выступать только танцовщики, прошедшие вашу школу танца и с детства приученные к современному стилю балета. Между тем в последние годы вы много работали с артистами классической школы, в частности с Майей Плисецкой и с Владимиром Васильевым. Легко ли вы нашли с ними общий язык?

— Работа с двумя прославленными артистами, известными всему миру своими достижениями в области классического балета, явилась для меня настоящим откровением. Мне очень редко встречались исполнители с такими великолепными физическими и духовными возможностями. Но главное, они были куда более готовы принять совершенно новый хореографический язык, чем так называемые современные танцовщики. Еще раз я оказываюсь перед констатацией того факта, что танец един, он возвышается над стилями, школами, и для него нет границ. Большой мастер всегда останется таковым, в каком бы стиле он ни выступал.

Я убедился в том, что советские артисты владеют технической и художественной основой танца, прочной и совершенной, которая позволяет им легко овладеть всеми направлениями современного балета.

— Какова ваша позиция как хореографа в настоящее время?

— Я иду к самоограничению. Меня уже не увлекают чисто формальные поиски. На определенном уровне мастерства формальные находки становятся для хореографа легким хлебом. На этой стадии труднее ограничить себя, чем выдумать новые приемы. Я ищу силу общего целостного построения, все большую строгость движений.

— Как вы относитесь к кино?

— Я очень люблю кино. К сожалению, в детстве и юности у меня не было возможности смотреть фильмы — шла война. А когда я открыл для себя кино, то долгое время не мог заниматься им профессионально, потому что с головой ушел в балет. Но кино многому научило меня, и в своей хореографии я, может быть, больше обязан крупнейшим кинорежиссерам, чем моим предшественникам-хореографам. В наше время в кино идут люди, которые в другую эпоху были бы писателями или художниками. Наверное, сто лет назад Годар был бы писателем, Рене композитором, а Феллини ставил бы оперы. А сегодня молодой человек, которому есть что сказать своим современникам, охотнее всего берется за кинокамеру. Я долго не решался сделать первый шаг в кино, слишком велики для меня были авторитеты знаменитых мастеров, таких, как Феллини. Но вот как-то телевидение предложило мне поставить в кино балет Стравинского «Весна священная», и я принял это предложение без колебаний. Правда, без танца я не поставлю ни одного фильма. Танец для меня — дыхание, сама жизнь, и я не вижу причин, почему я должен лишать себя этой жизни, снимая кино.

— Вы не раз говорили, что путешествия в Индию принесли вам духовное и творческое обновление. Вы привезли из Индии красивейшие мелодии, и отчасти благодаря вам сегодня молодежь увлекается индийской музыкой.

— Я рад, что молодежь осознала, что близкие нам художественные ценности можно найти и вне европейской культуры. Так, например, джаз оказал влияние на всю современную музыку. Позже обнаружилось, что индийская музыка чрезвычайно богата и располагает не меньшим количеством инструментов, чем европейская. Увлечение индийской музыкой — результат деколонизации. Действительно, надо было ждать освобождения Индии, чтобы открыть в ее культуре огромные богатства, и тут молодые английские поп-музыканты, вроде «Битлз», в свою очередь, «индуизировались».

— Как вы относитесь к молодежи?

— Я хорошо лажу с молодежью. Мне повезло: я работаю в основном с молодыми. В «Балете XX века» средний возраст танцоров — 25 лет. Одним шестнадцать, другим тридцать. Они приехали ко мне из многих стран мира, но я чувствую себя с ними очень легко и непринужденно, лучше, чем с людьми моего поколения. Я люблю изучать их, стараюсь понять. Для этого мне необязательно вслушиваться в их многоязычный разговор. Меня интересует все: как они молчат, как смотрят. Вообще по-настоящему хорошо я чувствую себя только в атмосфере танца, в среде танцоров.

— Известно, что вы активно участвуете в общественной жизни.

— Для художника есть два пути: либо вмешиваться в окружающий мир, либо созерцать свой собственный пуп, принимая его за центр вселенной. Когда я смотрю на свой пуп, мне кажется, что он не слишком отличается от пупа моего соседа. Этого явно мало.

— Когда вы участвуете в политической демонстрации, всегда находится фотограф, отмечающий ваше присутствие.

— Когда я иду на демонстрацию, я хочу, чтобы на одного парня было больше, а не в качестве директора «Балета XX века». (Известно, например, что в начале 60-х годов М. Бежар участвовал в политической демонстрации в Португалии. Охранка Салазара, испугавшись волнений среди студенчества и интеллигенции, выслала Бежара и всю его труппу из страны. — *Примеч. ред.)*

— Если бы вам пришлось говорить о себе самом?

— Прежде всего я сказал бы, что питаю отвращение к людям, рассказывающим о своей личной жизни. Раз она личная, она не должна никого интересовать. У меня, как и у всех, бывают тяжелые минуты, особенно в моменты физического переутомления, но я быстро прихожу в себя. Я много работал, много сделал в балете, в этом плане я чувствую себя удовлетворенным. Чтобы отвлечься, я меняю технику или пишу пьесу, ставлю оперу или фильм. Но каждый раз, когда я заканчиваю произведение и вижу результат, я говорю себе: это еще далеко от того, что ты хотел выразить.

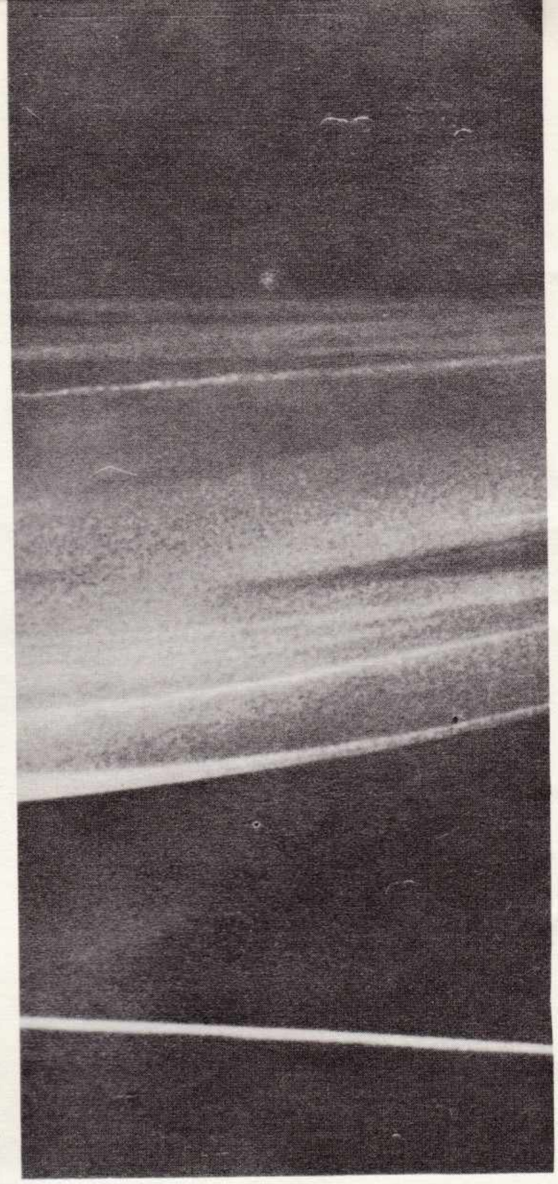
— Хотелось бы спросить: счастливы ли вы?

— Не совсем, по правде говоря... потому что я не в полной мере являюсь тем, кем хотел бы, у меня есть черты, которые мне самому не нравятся. И все же я думаю, что я довольно-таки счастлив... Нет, нет, я очень счастлив.

Перевела с французского Е. ЛИВШИЦ

[1] *Как нам сообщили в Министерстве культуры СССР, сейчас ведутся переговоры о постановке Морисом Бежаром Девятой симфонии Бетховена на сцене Большого театра. — Примеч. ред.*

МАЙЯ ПЛИСЕЦКАЯ: ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ БАЛЕТА



— Майя Михайловна, так ли легко было вам, как это говорит Бежар, овладеть хореографическим языком Бежара, одного из самых сложных современных балетмейстеров?

— Нет, совсем не легко. Правда, у меня уже был опыт выступлений в современных балетах. Но если, скажем, с Альберто Алонсо мы работали четыре долгих месяца над «Кармен», то в знаменитый балет Бежара «Болеро» я должна была войти за неделю. Этот балет на музыку Равеля идет 15 минут без какой-либо паузы, и все это время я танцую партию Мелодии, непрерывно повторяющейся и видоизменяющейся; каждая смена красок в оркестровке сопровождается изменением в танце. Запомнить эту все усложняющуюся последовательность чрезвычайно трудно. Я была в отчаянии. Кажется, впервые в жизни пожалела, что стала балериной. Наутро, в день премьеры, сообщила Бежару о своем намерении уехать в Москву и принялась упаковывать вещи. Но Морис Бежар был невозмутим. «Сначала покажите мне, что вы уже сделали», — сказал он. Я стала показывать и опять напутала. «Не волнуйтесь, все будет хорошо», — успокоил он меня.

И вот во время спектакля в проходе за зрителями был поставлен стол, на столе зажигалась лампа, направленная на Бежара так, что никто, кроме меня, не видел его лицо и руки. Перед каждым новым прохождением темы он давал мне условный знак — и я успевала сообразить, что мне делать, ни разу не сбилась. В общем впервые в жизни я танцевала по подсказке суфлера, и какого суфлера!

— И так началось ваше сотрудничество, которое привело к рождению нового балета «Айседора». Кто она для вас, Айседора Дункан?

— В 1978 году исполняется сто лет со дня ее рождения, и, наверное, эта дата будет отмечаться не только в США, но и во многих других странах, потому что ее искусство принадлежало всему миру. Трудно даже перечислить выдающихся современников Айседоры Дункан, на которых ее искусство не оказало бы большого влияния. Великий Роден без устали рисовал с натуры Айседору и учеников ее школы. «Я не знаю более прекрасных моделей, — говорил он, — потому что ее движения — это само естество и гармония». Айседоре посвящали стихи поэты, включая, конечно, Есенина, горячо любившего ее. Станиславский, который отнюдь не был балетмейстером, после встречи с Айседорой поставил два балета. Она заставила лучших хореографов нашего века — Фокина, Горского — совершенно по-новому взглянуть на танец и его природу. Айседора первой стала танцевать очень серьезную музыку. Я не оговорилась — она танцевала не под музыку, а саму музыку — симфонии Чайковского, Бетховена, Скрябина, Шуберта... Она никогда не училась классическому танцу, и то, что она делала, — это скорее всего изображение музыки телом, пластикой. Вслед за Айседорой Бежар говорит, что для хореографа проблема музыкального почитания — ложная проблема, что танцевать можно любую музыку. И я абсолютно согласна с ними. Кстати, у Айседоры была одна мечта: исполнить со своими учениками на огромной сцене Девятую симфонию Бетховена. После ее смерти этот замысел впервые воплотил в жизнь Бежар.

— В балете «Айседора» Бежар соединил слово с танцем, вы там даже читаете стихи Есенина. Как вы относитесь к синтезу таких разных элементов в балете?

— Получилось так, что совершенно независимо друг от друга мы с Бежаром выбрали одну и ту же дорогу: синтез разных искусств. В Москве я работала вместе с режиссером Анатолием Эфросом над телевизионным фильмом «Фантазия», в котором была сделана попытка соединить балет, кинематограф и драму. А Бежар в это время в Брюсселе ставил спектакли «Фауст» и «Жизнь Мольера», в которых драматическое действие сплетено с балетом. Бежар, по-моему, как раз тот художник, который способен осуществить гармоничный синтез искусств, ибо он человек энциклопедических знаний и самых разнообразных интересов. Он пишет поэмы и пьесы, создает фильмы и драматические спектакли. Он закончил философский факультет университета и глубоко изучал не только европейскую культуру, но и культуру Востока и Африки. В 1960 году он основал в Брюсселе театр «Балет XX века». Всего же Бежар поставил около 90 балетов. Одним словом, он имеет право на новаторство. Я лично убеждена, что это право имеет далеко не каждый художник, а тот, кто много знает обо всем, что сделано до него.

Танцы Айседоры принадлежат прошлому. Бежар никогда не видел их. Главная его задача была воссоздать атмосферу той эпохи, дух того времени. Но сделать это он решил с помощью тех средств, которые, по моему убеждению, принадлежат будущему балета. Начало «Айседоры» — чисто кинематографическое. Как известно, Айседора мчалась в открытом автомобиле, ее длинный шелковый шарф развевался на ветру. Внезапно шарф попал в колесо, которое замотало, стянуло его, и наступила мгновенная смерть от удушья... Музыка прерывается, раздается леденящий душу скрежет тормозов. В темноте на меня направлен только один луч света, будто идущий от фары автомобиля. А потом, как говорят кинематографисты, «наплывом» возникают сцены из жизни Айседоры и любимая музыка Айседоры — Шопен, Лист, Брамс, Бетховен, Скрябин, Шуберт, — и танцы очень контрастные по настроению; они гармонируют с тем, что она думала и говорила об искусстве. «Не я придумала свой танец. Он спал до меня, а я его пробудила», — и начинается прозрачный танец на музыку Шопена. «Великое искусство должно принадлежать народу. Народ его требует. Народ создаст новую поэзию и искусство» — эти слова звучат перед «Марсельезой», кульминацией балета. В этом маленьком 15-минутном балете находит отражение вся богатая и многогранная жизнь легендарной Айседоры.

— Несколько слов о том, как делался этот балет. Опишите, пожалуйста, хотя бы одну вашу репетицию с Бежаром.

— Да их, собственно, было всего четыре. За четыре репетиции был поставлен весь балет. Каждый раз Бежар приходил в зал с книгой под мышкой. Это была либо книга самой Айседоры, либо воспо-



Морис Бежар: «Я считаю, что XX век все в большей степени становится золотым веком балета, подобно тому, как XVIII и в особенности XIX были золотым веком оперы. А XVI и XVII — золотым веком театра».

минания о ней. У него были выписаны десятки ее высказываний. Все эти дни Бежар в своем воображении жил в той уже далекой эпохе. Внешне все получалось вроде легко: я старалась уловить именно его первое, спонтанное восприятие музыки, ибо боялась, что в другой раз он предложит что-нибудь другое, а мне больше всего нравилось то, что рождалось естественно, с первого захода. Он показывал. «Вот весна, — говорил он, — такие движения, согласны?» Да, мне нравились эти движения, и я их сейчас же повторяла, потому что это было логично, просто и в то же время с большим вкусом. Бежар чувствовал, конечно, что я его понимаю, или понимал, что я его чувствую, и, может быть, поэтому получалось так быстро.

— Морис Бежар как-то сказал, что «Дункан не смогла бы станцевать Плисецкую, а вот Плисецкая сможет станцевать Айседору». Не похвала ли это классической школе?

— Конечно, классическая школа дает артисту хорошую основу, а следовательно, возможности и инструмент для овладения современным балетом. В труппе Бежара все обязательно и каждодневно отрабатывают комплекс классических движений. Между прочим, Бежар приглашал преподавать в своей труппе нашего выдающегося педагога и хореографа Асафа Мессерера, у которого многие годы занимаюсь и я. Но классика для Бежара лишь средство для овладения свободным танцем. Это как в живописи: Пикассо перерисовывал картины Рембрандта и в совершенстве овладел классической школой, чтобы потом, вопреки всем академическим канонам, писать свои полотна. Но я также думаю, что к современному балету необходимо приобщаться как можно раньше, пока тело еще мягкое, пока есть острота воображения и свежесть восприятия. И в школе Бежара уже с первых классов наряду с классикой преподается современная музыка, танцы.

Он пристально изучает молодежь, ее психологию, ее вкусы и многое берет у нее. Скажем, молодые танцуют современные танцы в ритмах рока, и он досконально изучает все их движения, а потом, обогатив их своими знаниями, создает новые танцы, которые молодежь принимает как свои. Главный его принцип — давать ученикам то, что им нравится, что их захватывает. А что нравится, то, как правило, удается.

— Что вы думаете о танцах, которые сейчас модны среди молодежи?

— Откровенно говоря, я вообще люблю все, что модно, так как модное отражает время. Правда, известна истина, что новое или модное — хорошо забытое старое. Даже мини-юбки, как выяснилось, носили римские легионеры. Вопрос только, есть ли в этом модном вкус. Если говорить о роке, танцах, то тут все дело в том, как ты чувствуешь пульс этого современного танца и, вообще, как ты умеешь принять новое, неожиданное. Точно так же и в балете. 10 лет назад очень многим не понравилась «Кармен». Но у этого балета была одна особенность: те, кто абсолютно отрицал его, все же пошли на спектакль еще раз. Некоторые приняли со второго, другие с пятого раза, но приняли. А сегодня мне пишут из разных городов любители «Кармен» и негодуют, если этот балет исполняется несколько иначе. Получается, что они уже воспринимают «Кармен» как классику.

— А как встретил «Айседору» западный зритель?

— По-разному. Во Франции восторженно и публикой и критикой. В США он был принят прохладнее. Так же, как фильм «Фантазия» по мотивам Тургенева, — равнодушных не было. Кто-то очень принял, кто-то очень не принял. Среднего мнения не было, а я как раз его больше всего не люблю. Для меня самые ужасные слова — это «так себе», «ничего себе». Ничего и есть ничего. А когда реакция зрителей делится на активное «да» и активное «нет», я уверена, что выбрала правильный путь. К сожалению, как говорил Стравинский, «люди стремятся не познавать, а узнавать», то есть скорее способны оценить то, что похоже на уже увиденное или услышанное. А вот балеты Бежара не похожи ни на что. Не все понимаешь, но чувствуешь сразу — это подлинное искусство!

Беседу записал А. МАСЛОВ



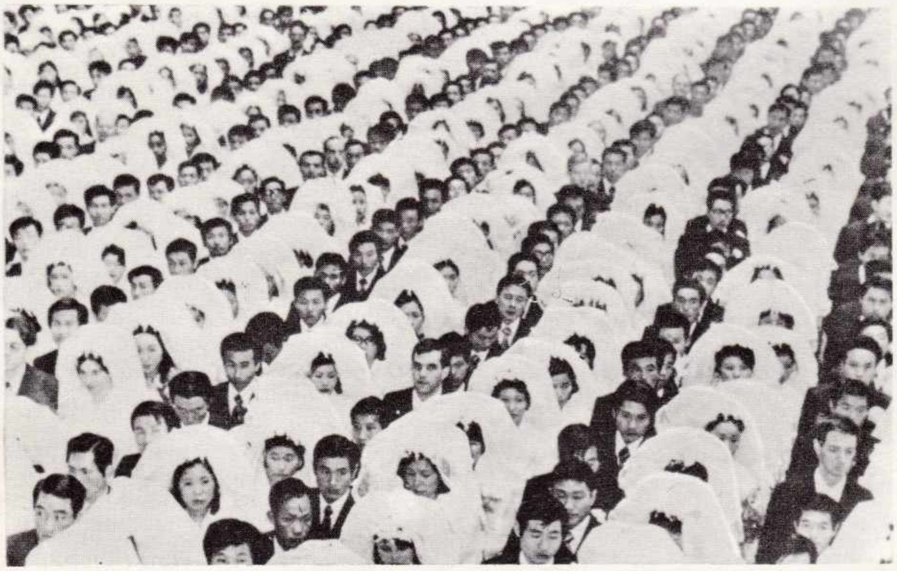
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЖЕКА ЛОНДОНА

«Это настоящий классик, и его книги пора вынуть из детских комнат и поставить на самые видные полки взрослых библиотек». Так писали о Джеке Лондоне накануне столетия его рождения (Лондон родился 12 января 1876 года) американские критики. Судьба его творчества на родине прихотлива, но в этой прихотливости есть точная закономерность. Его книги пользуются огромной популярностью в Америке 20-х годов, когда значительны и активны были социалистические настроения. Новый прилив интереса наступает после экономического кризиса 29-го года. В период маккартизма имя Джека Лондона почти не упоминается. И вот новый взрыв интереса в 70-х.

Критики давно уже признали за Лондоном пророческий дар: «Он предупреждал мир о фашистской угрозе, он твердо верил в социализм, побеждающий жадность и коррупцию, подлость и несправедливость».

На снимках: 16-летний Джек Лондон, юнга на шхуне «Софи Садерленд»; обложка книги «Костер», издание прошлого века.





НЕ ПЕРЕПУТАТЬ БЫ НЕВЕСТУ

Говорят, браки вершатся на небесах. Глава секты так называемой «унификационной церкви» Мун вершит их на земле, поскольку объявляет себя посланцем небес, «новым Христом» или «новым Адамом», а по совместительству и «новым Гименеем». Судите сами, какие розы новобрачным уготовил Гименей — Мун. О любви земной говорить не приходится — вчера еще эти молодожены (их тут больше двух тысяч) не знали друг друга. Они приехали из разных стран в Сеул на обряд массового бракосочетания по зову своего «духовного отца». Мун собственноручно подобрал пары по фотографиям для выведения «чистой расы мунистов». После обряда их разлучат на 40 дней (не перепутаться бы потом — вот проблема). Зато Мун гарантирует им работу: по 10 часов в день на одном из его предприятий за треть зарплаты — остальное пойдет на "святое дело», то бишь организацию нового «крестового похода» против коммунизма.

Нет, не сразу и не вдруг эти молодые люди возлюбили Муна, отказались ради него от своих родителей, бросили школы, институты, родные места. Они подверглись длительной процедуре «промывания мозгов» в специальных полувоенных лагерях, основанных этой сектой во многих странах мира (см. «Ровесник» № 1 за 1977 год). «Я ваш мозг, — заходится в крике Мун перед толпой молодоженов, — весь мир у меня как на ладони, я завою его себе».

Фанатизм забавен лишь с первого взгляда; приглядевшись, видишь, как он зловещ.



НА ЛЫЖАХ С ГИМАЛАЕВ

Он ждал этого момента, он готовился к нему 10 лет. На снимке швейцарский горнолыжник Сильван Суден устремляется вниз с высоты 7175 метров, сквозь густую пелену облаков, по 55-градусному склону горы Нун кун. Тренированные альпинисты не рискуют даже подняться на эту гималайскую вершину, не то что спуститься с «Седьмого неба» на лыжах. «Это невозможно, — говорили эксперты, — это верная смерть». Но Суден всем смертям назло тренировался 10 лет ежедневно — зимой и летом на альпийских кручах, готовясь к «невозможному». «Главное было натренировать мышцы ног и рук так, чтобы они «сами думали», то есть работали автоматически, — рассказывает он, — на виражах — а их было 270 — соображать некогда». О чем же он все-таки думал на 270-м вираже? «О Мари-Жозе, которая осталась наверху», — признался бесстрашный Суден. Мари-Жозе, невеста Судена, поднялась на вершину Гималаев, чтобы там болеть за своего будущего мужа.

ТРАНСПОРТ. В США «открыли» велосипед в разгар энергетического кризиса. «Пересаживайтесь с четырех колес на два, и вы сэкономите горючее, поможете решению транспортных проблем и спасению окружающей среды» — так рекламируют велосипеды десятки американских фирм, увеличивших их производство за два года почти на треть. И американцы охотно раскупают двухколесные машины, несмотря на то, что цены на них быстро растут (в зависимости от модели велосипед стоит от 75 до 10 000 долларов). Однако велосипедный бум неблагополучно сосуществует не только рядом с энергетическим кризисом, но и кризисом окружающей среды — американские города продолжают задыхаться от выхлопных газов, транспортные артерии в часы «пик» по-прежнему плотно закупорены пробками. Как результат, обострились другие проблемы, главнейшая из которых — дорожные катастрофы. Перефразируя Ильфа, велосипедиста надо уважать, а автомобилисты этого или не знают, или не умеют. В результате число несчастных случаев с велосипедистами увеличилось до полумиллиона в год.

ЕСЛИ ВАМ НЕЧЕГО СКАЗАТЬ — ПОЙТЕ

Двое почтенных джентльменов, которых вы видите на снимке, восприняли эту шутливую английскую поговорку всерьез и не прогадали. Лет 30 назад они заявились к «ковровому королю» Англии Сирилу Лорду и спели ему заразительные куплеты на тему: «Лорда ковры только за полцены». И миллионер немедленно отвалил им крупную сумму на учреждение нового рекламного бюро. Хотя «ковровый миллионер» вскоре обанкротился, его «рекламные пажи» вовсе не были изгнаны со двора бизнеса. Они продолжали сочинять и петь серенады, баллады и гимны, только посвящали их не прекрасным дамам, а духа́м, чулкам, парикам и прочим предметам дамского туалета. Сейчас оба они люди состоятельные, с положением, и уже редко утруждают собственную фантазию и голосовые связки. На них работают профессиональные композиторы, поэты, исполнители, хоры и оркестры, включая прославленный Королевский филармонический. Надо отдать должное, мелодии случаются отличные, они входят в память, как гвозди в хорошую доску. Содержание? Оно все то же — «купите, не прогадаете».



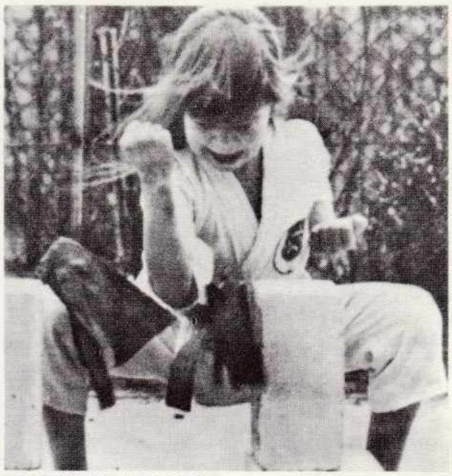


И ВСЕ-ТАКИ НЕТ ЕГО!

Висит «кирпич». Вроде ясно — «прохода нет»! Под «кирпичом» еще и надпись «прохода нет». Вроде совсем все ясно! Но как, каким образом очутилась на том берегу затопленной улицы толпа пронырливых пешеходов?

Вот в чем вопрос! Вот что мучит полицейского из американского города Кембридж, застигнутого врасплох наводнением. Тут кто кого — или полицейский проблему, или она его за горло.

Тут важно не потерять голову, сосредоточиться, не спешить... А вода все течет, журчит, все нарушает ясное вроде запрещение «прохода нет».



БЭБИ КАРАТЕ

Райнер Ниссен, размахнувшись, ударил свою восьмилетнюю дочь Сюзи в поддых. Девочка легко ушла от удара и, выбросив вперед руку, коснулась кулака отца. «Считайте, что я без руки! — гордо сказал Ниссен западногерманским корреспондентам. — Жизнь сейчас такая опасная, что карате никому не помешает. Она скажет своему парню: «Не трусь, милый! Всего каких-нибудь двадцать хулиганов. Со мной они тебя не тронут». Она будет знаменита, а значит, ей не придется думать о хлебе насущном!» Сюзи в это время колола ладошкой деревянные бруски и складывала из них пирамидку.

ТЯНЕМ-ПОТЯНЕМ

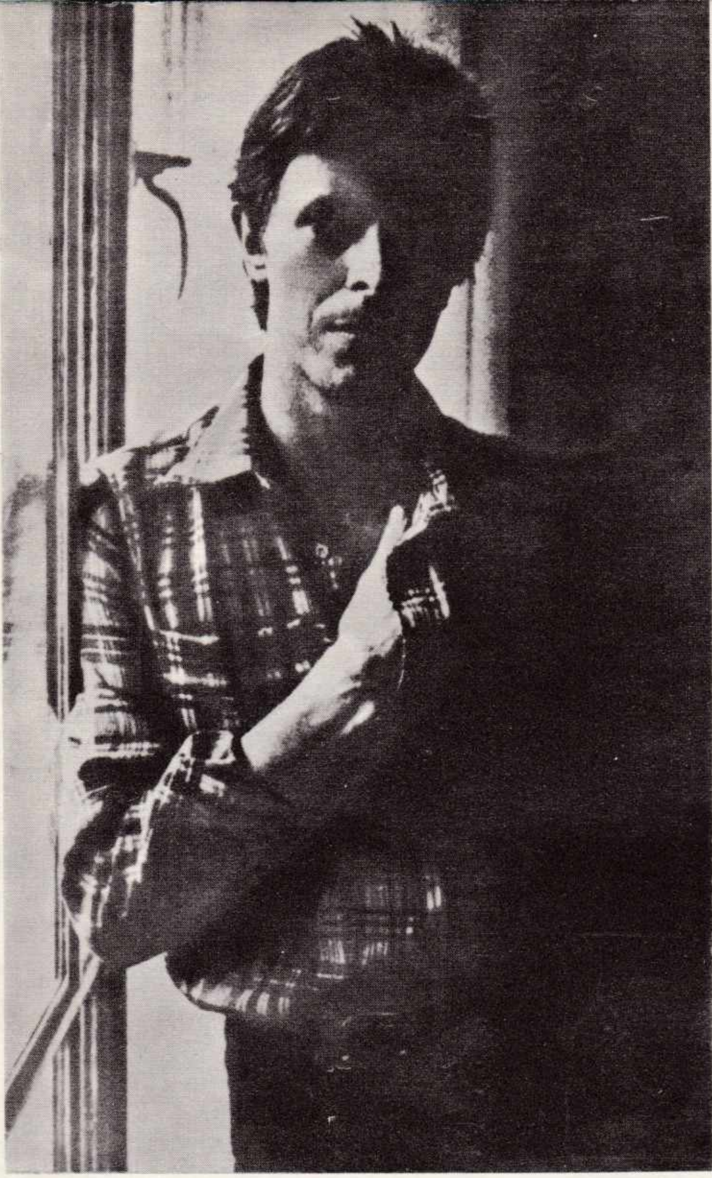


Чемпионат мира по перетягиванию каната, состоявшийся в Англии на острове Джерси, в четырнадцатый раз выиграли хозяева соревнований. Похоже, замечают спортивные обозреватели, следившие за этим восьмичасовым состязанием здоровяков из 13 стран, перетягивание каната вновь выходит на международную арену. Ведь было время — с 1900 по 1920 год, когда перетягивание входило в программу Олимпиад.

Соревнование проходило по двум категориям — средней (общий вес команды не должен превышать 640 килограммов) и тяжелой (до 720 килограммов). Длина каната — 32 метра, диаметр — 10 сантиметров. Запрещены перчатки и обувь с шипами.

Как всегда, залогом успеха послужила массовость: в Англии существует триста спортклубов по перетягиванию каната. Впрочем, итальянцы, лишь два года как взявшиеся за канат, а потому занявшие лишь девятое место, не согласны с этим утверждением: «Все дело в ботинках, — говорят они. — Мы собирали подходящую обувь с миру по нитке. Если б вы знали, как эти ботинки жали: наш средний размер сорок шестой».





Англичанин Дэвид Боуи — представитель так называемого «авангардного» рока — фигура видная; нас недаром о нем часто спрашивают. Интервью, которое вы здесь прочтете, не претендует на полный портрет: скорее это эскиз, зарисовка.

Начинал Дэвид Боуи в 1966 году — мы помним, что это было за время: время расцвета молодежной контркультуры, и рок-музыканты пели о том, что капиталистическое общество никуда не годится и что его нужно переделывать. Варианты предлагались самые «радикальные», и Боуи тогда вместе со всеми пережил увлечение разного рода левацкими идеологиями. К началу семидесятых годов стало ясно, что идеи немедленного переустройства общества не оправдали себя.

Тогда-то Боуи и придумывает образ «Зигги Стардаста» — «Зигги Звездная Пыль» (группа его называлась «Марсианские пауки»). «Зигги», пришелец из космоса, пел о том, что, если нет возможности улучшить жизнь на этой планете своими руками, может, кто-то посторонний поможет. Идея пришлась кстати — она ничего от слушателей не требовала. Слушатели хлопали. К Боуи пришел успех, но он был рожден скорее не содержанием песен, а манерой, в которой Боуи выступал, подачей песен: расшитые блестками наряды, фантастический грим. За «Зигги» потянулась целая команда эпигонов: Элис Купер, Лу Рид, Гэри Глиттер и др. Направление это получило имя глиттер-рока (от английского «glitter» — «блестящий, сверкающий»), а за Боуи закрепилось звание «дедушки глиттер-рока».

«Дедушка», однако, выкинул фортель: в Голливуде он снялся в фильме «Человек, который упал на Землю», где все тот же пришелец переделал всю планету по фашистскому образцу и стал фюрером всей Земли. Идея твердой власти оказалась довольно симпатичной обывателям, напуганным недавними молодежными «выходками», и Боуи-шоумен, почувствовав эту смену настроений, меняет маску, тем более что глиттер-рок публике уже надоел. Теперь он — аккуратный, облаченный в строгий костюм-ретро — поет о том, что пора кончать с «сопливой демократией». На Боуи ополчились прежние рок-коллеги, а на его шоу стали ходить голубоволосые домохозяйки и преуспевающие бизнесмены, решившие, что Боуи — свой. И тут он совершает непростительный, по мнению этой публики, поступок — он выпускает пластинку «Низкое», в которой есть песня «Гитлер возвращается». Он поет о том, что как раз в среде таких вот «положительных и порядочных» обывателей и рождаются фюреры.

В последнее время Боуи почти не выступает на сцене, предпочитая только записываться, — возможно, потому, что ту идею, которой он живет сейчас, — «Сыновья молчаливого времени», времени неуверенности, смятения, экономических трудностей, — трудно воплотить в рамках «просто шоу».

КАРЬЕРА ДЭВИДА БОУИ

Чарльз Шаар МЮРРЕИ,
английский журналист

Сквозь окно сочится серый осенний сумрак, и человек, к которому я пришел, спокойно наблюдает, как комната погружается в сумрак, он копит его, он кутается в сумерки — входите, входите, вечер, я жду вас, я вас приветствую, сумерки, покой...

«Да зажги же свет», — прошу я, и он щелкает выключателем, и я, наконец, могу разглядеть его как следует: клетчатая рубашка, джинсы, короткие светлые волосы, все так обычно, что неинтересно для описания. Особые приметы: особых примет нет.

Единственное, что осталось от прежнего Дэвида Боуи, с которым я познакомился пять лет назад здесь же, в отеле «Дорчестер», — это его лицо.

Но тогда он был самым броским пятном в ярко освещенной комнате, и непонятно было — то ли он сверкает на свету, то ли свет исходит от него.

Тогда вокруг него кружилась фантастическая команда безумных спутников: Лу Рид был здесь, бледный и раскрашенный, и толстенькие белые пальцы его венчали покрытые черным лаком ногти; «Марсианские пауки», разодетые в пух и прах, взбудораженные и смущенные; Тони Де Фрай, их тогдашний менеджер — элегантный, энергичный и напыщенный, эдакий шпрехшталмейстер. Наконец, Энджи, царственная супруга Боуи, роскошная королева всего этого цирка.

Люди входили и выходили, пили шампанское и резко, нервно смеялись, и все казались себе такими значительными. Это сознание собственного превосходства пьянило всех — кроме, пожалуй, самого Дэвида Боуи, в чью честь и было затеяно празднество. В то время он еще играл на сцене в пришельца «Зигги Звездная Пыль». Вечеринку устроили после концерта, но, хотя он еще не снял пестрые блестящие тряпки «Зигги», он был уже Дэвидом Боуи, а спутники его все еще веселились, и он смотрел на них с усмешкой, как на заигравшихся детей. Горячие денечки, где вы теперь...

Семьдесят второй год позади, и маска «Зигги Звездная Пыль», ненужная и поношенная, упрятана в сундук. «Зигги Звездная Пыль» теперь лишь призрак в чьей-то памяти, а человек, когда-то носивший эту личину, — вот он, сидит передо мной в полутемной комнате и улыбается спокойно и сдержанно.

Я шел по длинным коридорам к номеру Боуи и гадал: кто — или что — встретит меня там. В последний раз я видел его 31 декабря 1973 года, и в тот день он был злым, заносчивым, ужасно неприятным — зазнавшийся центрфорвард, откровенно издевающийся над окружавшими его, потому что они казались ему столь же ненастоящими, как и он сам, запрограммированными, игрушечными: нелюди. «Да, я дрянь, но вы-то все тоже дряни, так чего это ради я должен щадить вас?»

За эти годы он выпустил «Брильянтовых собак» — последний диск кошмарной эпохи глиттер-рока; пластинку «Дэвид живьем», в которой он попытался реанимировать труп «Зигги»; «Молодые американцы» — зеркало его тогдашнего состояния: злобная насмешка над всем и вся и над собственной беспомощностью (самой известной песней этой пластинки была «Слава»: «Вот ты и получил все то, о чем мечтал, так что ты теперь со всем этим будешь делать, болван?»); «От станции к станции» — диск о том, что сердце всегда в проигрыше, когда сражается с разумом; «Низкое» — о страшном фениксе фашизма (пластинку эту не поняли — рекламируя ее, Боуи снимался в фашистской форме, и все думали, что он — за, а он стремился как раз к обратному: «Я хотел сказать — они такие, они могут быть среди вас»); и, наконец, «Герои» — вновь появились человечность, теплота, и диск этот был признан лучшим «авангардным» диском года.

За четыре прошедших года изменился я, все изменилось, и он тоже — уже не «Пришелец из космоса», не «Враг неведомый», не «Супермен», дергающий нити марионетки — музыки. Теперь за этой дверью ждет меня Дэвид Боуи собственной персоной, а не кунсткамера причудливых масок, прихотливо меняемых владельцем. Я стучу в дверь, я жду с любопытством, боязливым и немного неприязненным.

— Господи, сколько же лет прошло?

— Четыре года, дружище, — я налаживаю магнитофон, Дэвид

помогает мне: времени на интервью отведено немного, для разведывательной болтовни двух старых знакомых и минуты не остается.

— С чего же нам начать после этих четырех лет? — спрашивает он, но я знаю, с чего начну.

— Название на твоем последнем диске «Герои» стоит в кавычках. Эти кавычки — часть названия?

— В общем-то, да. Только это название ни о чем не говорит, я просто выбрал для него одну из песен, а в целом альбом — сборный, у него нет единой концепции.

— А мне казалось, что весь альбом — об ироническом отношении к «героям» и ко всей идее героизма.

— Я об этом говорю только в одной из песен, в самих «Героях». Это песня о двух влюбленных, которые кажутся себе невероятно смелыми, потому что злословят насчет властей. Эта смелость приятно возбуждает их, они кажутся себе прекрасными фрондерами, да только тот камень, что у них за пазухой, — не камень даже, а так, горошина.

— Значит, это все-таки ирония?

— Получается, так. Впрочем — и это не причина, почему я назвал диск «Герои». Я бы мог назвать его «Сыновья молчаливого времени».

— Скажи, а ты не думал, что порой и сам бывал таким же «героем»?

— Господи, да конечно же. Знаешь, мне для того чтобы писать, нужно чувствовать опасность — духовную или просто физическую. Только тогда у меня что-то получается — когда я балансирую на краю. Так что в этом альбоме я, в общем-то, над собой потешаюсь. У меня история была в Китае...

— Воспоминания о маоизме?

— Да, я когда-то им увлекался. Так вот, я был в Гонконге и решил попробовать перейти границу — что получится? Там у них странная граница — в принципе есть шанс пройти, и тебя не подстрелят сразу же. Вот я и решил — пойду посмотрю на приграничную китайскую деревню. Все сошло удачно.

— А ты один ходил?

— Я теперь только в одиночку путешествую.

Я вспомнил времена, когда он и шагу не делал без охранника, секретаря, менеджера, компаньона, парикмахера, пресс-агента...

— Все мои нынешние путешествия — они для того, чтобы было, о чем писать. Я теперь могу писать только о том, что видел собственными глазами: слишком мой мозг забит чужой музыкой. Куда бы я ни приехал, местная фирма грамзаписи обязательно присылает мне аппаратуру и свои пластинки, да я ничего не слушаю. И если и пользуюсь магнитофоном, то только как памятной книжкой. Я записываю: событие, человек, ситуация — и потом начинаю додумывать, докручивать песню. Но основа — событие, человек, ситуация — всегда реальна.

— А ты продумываешь заранее строй всего альбома?

— В общем-то, нет, все рождается в процессе работы. «Героев» мы писали с Эно и Фриппом[1], дурачились иногда просто, ну, и что-то там получилось... Каждый из моих альбомов рождается спонтанно, под влиянием обстоятельств — это всегда видно, можно даже определить, в каком городе я что писал. Не говоря уже о душевном состоянии. Сейчас я куда более уравновешен, чем, скажем, года два назад.

— Да, когда ты выпустил «Молодых американцев», ты был похож на отставного чемпиона.

Он ухмыльнулся:

— Знаешь, что такое лосанджелизм? Опасная штука, он заразил и меня...

Я сказал, что, по-моему, жить в Лос-Анджелесе — это как сниматься в фильме, который сам первый смотреть не пойдешь.

— Но я никогда не жил там, я там только бывал. Я вообще нигде не живу. Мне никогда не хотелось купить землю, дом на ней и говорить себе — это мое, это мой дом. Если я заведу себе дом — я погиб, я не смогу написать ни строчки. Я человек без корней, и стоит их мне пустить где-то — снять квартиру на долгий срок, к примеру, — как я чувствую себя в мышеловке, и я убегаю. Я не хочу собственности. Я живу одним днем, и для меня это единственный вариант. Скажи, тебе «Низкое» и «Герои» в принципе понравились?

— Да.

— Так вот, когда я писал их, я выбирался из очередной мышеловки, которую сам себе и расставил. Я говорил себе: «Какого черта, что ты здесь делаешь? Ты что, родился для того, чтобы быть клоуном в Лос-Анджелесе? Беги! Все, что тебе надо, — это посмотреть на себя попристальней. Представь людей, которых ты не знаешь, места, в которых ты не бывал, и спроси себя: кому нужна вся та чушь, которую ты написал? Ты-то сам свои пластинки купишь?» И я удрал, я снял комнату в Западном Берлине — паршивую комнату, над автомастерской, в районе, где живут турки-гастарбайтеры...

— Слушай, ты читал Томаса Пинчона?[1] Помнишь, как он описывает своего героя Герберта Стенсила: «Герберт Стенсил, как годовалые дети и самодержцы, всегда говорил о себе в третьем лице. Это помогало «Стенсилу» казаться единственной личностью среди толпы человеческих тождеств. Он называл это «насильственным обретением личности» — это, несомненно, не то же самое, что «смотреть на мир другими глазами»; к примеру, он носил одежду, которая Стенсилу — без кавычек — совершенно не нравилась бы; он ел пищу, от которой урожденного Стенсила стошнило бы; он жил в неизвестных ранее городах, ходил в бары и кафе нестенсиловского типа — и зачем? Все для того, чтобы держать «Стенсила» на отведенном ему месте — в третьем лице».

— Какие мы начитанные! — усмехнулся он, но мне показалось — одобрительно. — Я хорошо понимаю этого человека, я понимаю, почему он это все делает. Но мне уже малоинтересны развлечения такого рода. Я перерос их. Мне поэтому и нынешний панк-рок[2] не нравится. Все эти детишки с таким ликованием влезли в панк-котел — вместо того, чтобы, наоборот, избегать каких-либо границ. Никто из них не пробует бороться: они не говорят: «Мы — это мы». Они говорят: «Мы — это панк», и таким образом связывают себя и свои возможности. А это стыдно. По сути, люди гораздо более заинтересованы в самих новшествах, чем в том, почему эти новшества рождаются...

— Ты имеешь в виду технико-помешанных?

— Не только. Когда мы были молоды — помнишь, как мы радовались всему новому — и в технике, и в музыке, и в жизни? Все хотелось попробовать, казалось, что каждое новое — вот она, истина, конечный пункт. Но эти пункты менялись, и только, отстав в гонке за новым, начинаешь понимать, что вся эта погоня — чепуха. Когда ты отстаешь, останавливаешься — начинаешь понимать, что обогнал: потому что если ты делаешь что-то настоящее — время и успех обязательно совершат круг и вернутся к тебе.

И время нашего разговора завершило свой круг, а я еще так много хочу у него спросить. Я бы спросил его: о работе над фильмом «Человек, который упал на Землю», о том, как дружба превращается в кровную вражду и снова в дружбу, и о том — какая связь между Дэвидом Боуи, которого я вижу перед собой, и тем человеком, который не появлялся в свете без придворных шутов, лакеев, слуг... Обо всем этом я когда-нибудь с ним поговорю. Я скажу ему, что иногда я люблю его работы, иногда терпеть не могу, иногда понимаю, иногда нет, но я всегда с нетерпением жду его новых пластинок. Дэвид Боуи, последняя суперзвезда моей молодости, я не хочу, чтобы ты подводил меня так, как подвели остальные.

Перевела с английского Н. РУДНИЦКАЯ

---

[1] *Брайан Эно и Роберт Фрипп — известные музыканты «авангардного» направления в рок-музыке. — Примеч. ред.*

---

[1] *Томас Пинчон — известный американский писатель-фантаст. Генри Стенсил — герой его романа «V». — Примеч. ред.*

[2] *О панк-роке «Ровесник» писал в № 2 за 1978 год. — Примеч. ред.*

Главный редактор А. А. НОДИЯ

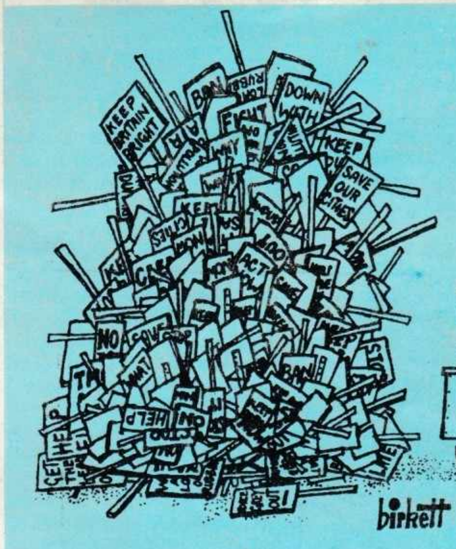
Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, Ю. А. ГОРЯЧЕВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление М. М. Ракитнина
Технический редактор В. Н. Савельева

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5.
Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 16/I 1978 г. Подп. к печ. 16/II 1978 г. А06130.
Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,7.
Тираж 470 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 2446.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.



А это все осталось после вчерашней демонстрации активистов «Общества охраны природы».

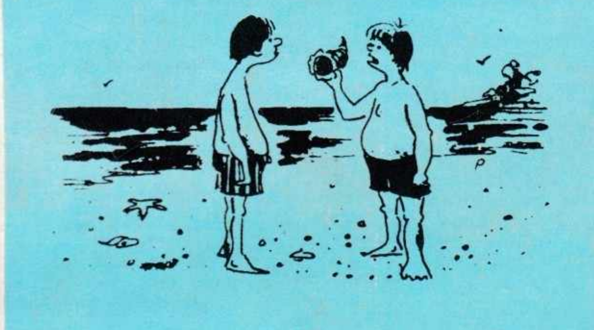


Папа, а почему говорят «голубой, как море»?

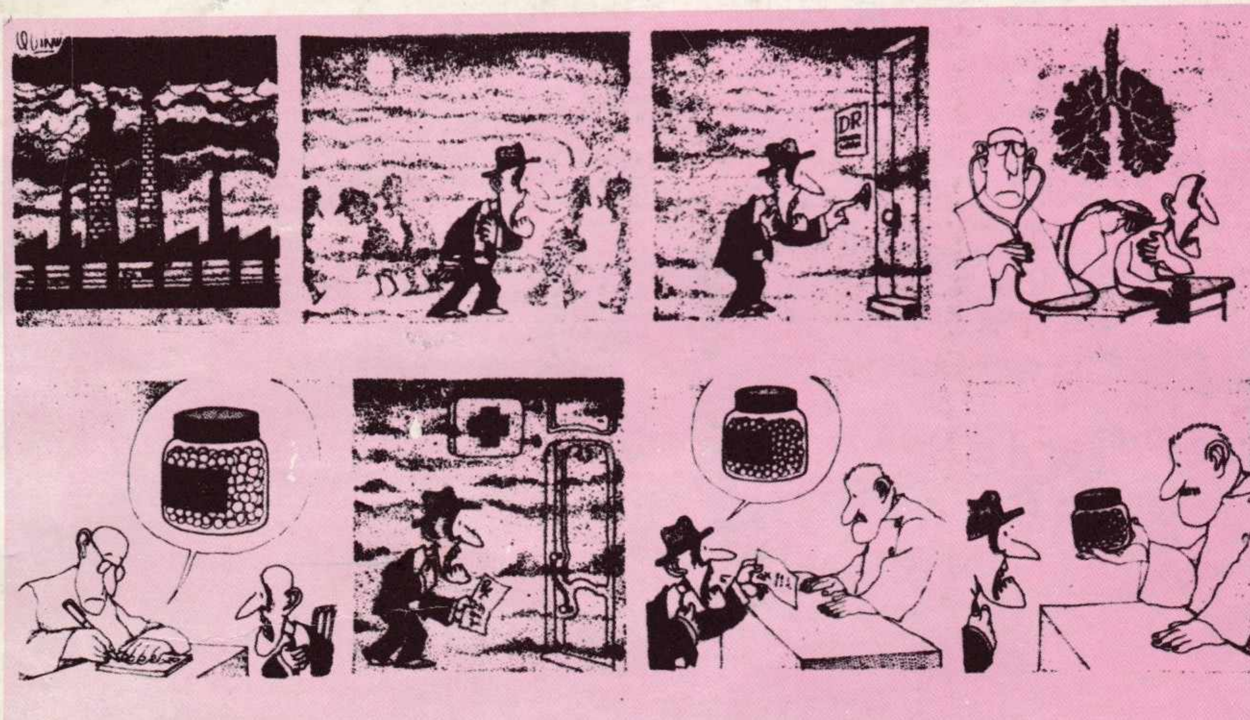
«Человек и окружающая его среда» — так привычно звучит тема научных конференций, международных встреч, дискуссий, статей и проч.

«Кто кого окружает!» — уточняют сатирики и карикатуристы, и им не откажешь в наблюдательности. Особенно они убедительны, когда собираются на свои международные встречи, выставки, вернисажи или вот так, как в этом случае, на одной странице журнала.

Рисунки из журналов «Эпока» и «Эуропео» (Италия) и «Уикенд» (Великобритания).



Если приложить раковину к уху, то можно услышать, как шумит нефть.



Круговорот веществ в природе.